

Президентская кампания - 2019: старт

Оглавление

Революционные волны и призрак новой революции. Ермолаев Андрей	3-18
«Contra spem spero» («Без надежды надеюсь») Левцун Александр	19-28
За фасадом выборов. Надтока Юрий	29-37
Зовнішньополітичний вимір виборчого циклу-2019: визначеність в середині, непевність ззовні Святослав Денисенко	38-48
От «безопасных выборов» к выбору «безопасного развития». Лупаций Владимир	49-58
При хорошей рекламе и товар не нужен или политические коммуникации в расколоте Зазеркалье. Щербина Виктор	59-79
Економічний спадок України напередодні чергового електорального циклу. Емец Вадим	80-88
Частные армии и их роль в современных конфликтах. Маклаков Андрей	89-96

Революционные волны и призрак новой революции

I

Невыученные уроки

*«Неудавшиеся революции всегда влекут
за собой ненавистные и мстительные правительства»*

Пьер Буаст

Цитата, которая еще пару лет назад взорвала бы информационное пространство Украины: «...Украину больше не рассматривают как страну, развитие событий в которой может влиять на будущее Европы» (Я.Грицак, «Тихая революция», «НВ», 14.02.2019). Речь идет об очередном манифесте по поводу угрозы революций и развала Евросоюза, под которым так и не подписались представители Украины.

Политические потрясения в Украине последних двух десятилетий трактуются не иначе как «революционные». И «помаранчевая революция» 2004 года и «революция Достоинства» 2013-14гг. были прямо связаны со сменой состава власти в стране и выразились в массовых протестных выступлениях, в которых принимали участие сотни тысяч граждан.

Парадоксально, но факт: еще пять лет назад события в Украине рассматривались не иначе как авангард демократических революций в мире, а украинские политики, которых Майдан привел к власти в 2014м, гордо носили звание «лидеров украинской революции Достоинства».

Диапазон оценок произошедшего после «Революции Достоинства» 2013-2014 гг варьируется от «политических переворотов» до «передовой линии мировой демократии». Время еще расставит все на свои места. Пока же можно ограничиться лишь констатацией того, что страна в результате революционных событий потеряла внутреннее социальное единство и духовно-культурную толерантность. Часть населения настроена сепаратистски и поддержала радикальные идеи отсоединения (Крым) или собственной государственности (т.н. ДНР и ЛНР). Переход (аннексия) АР Крым в состав РФ и война на Донбассе, в которой активную помощь сепаратистам оказывает Россия, существенно подорвал экономику и усилил радикальные политические силы.

Санкции США и ЕС, многочисленные резолюции международных организаций в поддержку Украины и с осуждением агрессивной РФ, военно-техническая, разведывательная и финансовая помощь Украине, в конце концов – интернациональный добровольческий поток романтиков и «диких гусей», – вся эта поддержка в целом жила легендой об эффективной и справедливой «революционной власти» в Украине.

Но повестка 2014 года – социальная справедливость, достоинство, победа над коррупцией, солидарность и единство в обществе – давно позабыта. Квасной патриотизм, «оборонное сознание», клерикализм – в политике, «затягивание поясов» и сворачивание социальных инвестиций, фактический демонтаж «социального государства» – в социально-экономической сфере, демагогия, популизм и безответственность и коррупция – в повседневной жизни государственной власти.

Война на Донбассе в короткие термины трансформировалась из «революционной войны» новой власти с сепаратистами и агрессорами в жестокую окопную войну профессиональных

армий. Линия их столкновения за пять лет войны, по сути, стала новой линией геополитического размежевания – как внутри страны, так и на континенте в целом.

«Война режимов», сталкивающих лбами народы, решила главную проблему по обе стороны войны: дискредитировала революционную повестку, сбросила пассионарный запал, подорвала авторитет вчерашних диссидентов и критиков режимов, при чем – тоже по обе стороны окопов.

Реставрационный режим в РФ, с одной стороны, и контрреволюционный режим в Украине, с другой, с их придворными церквями, безбашенными спецслужбами, раздутыми военными бюджетами, и налаженным «конвейером смерти», - таким стал исторический ответ на вызовы революционной волны в Украине и подавленных волнений в РФ в эти годы. Война на Донбассе, как ни жестоко это прозвучит, спасает оба режима от потери власти, и гасит холодом смертей былые революционные искры.

В свою очередь, украинские революции за исторически короткое время (2-3 года) превратились в новую «славную историю», которая по инерции обрастает легендами, символами и памятниками.

Но в историческом пространстве двух украинских революций 2004 и 2013-14гг. происходили и другие, по масштабу не менее значимые события. Волна «цветных революций» в странах Кавказа и Средней Азии, «арабская весна» (Тунис, Ливия, Египет, Йемен, Сирия и др.), «венесуэльский» социалистический эксперимент, «новый сепаратизм» в Европе (Бельгия, Испания) – лишь малый перечень революционных потрясений.

Локальные, часто внешне непохожие потрясения с участием революционных масс, от Египта и Венесуэлы, до Албании и Франции, нарастают, словно снежный ком, а вернее –

накатывают как волна. Массовое и многонациональное протестное движение в странах ЕС свидетельствуют о том, что после периферийных вспышек революционные настроения захватывают центр миро-системы – Запад.

II

Революционные волны-«приливы»

«Такая относительная повторяемость исторических событий как культурных образцов (а в человеческой истории все опосредовано культурой, поэтому акультурной истории просто не существует) и создает основу для возникновения волн и эволюционных циклов исторического развития, в том числе модернизации и динамики цивилизаций»

В.Пантин

В актуальной истории современного капитализма можно выделить по меньшей мере пять уже прошедших революционных волн-приливов, каждая из которых сопровождалась качественными трансформациями капиталистической системы, и последующими консервативными контрреволюционными «отливами».

Первая волна. 1770е-1815 гг. Война за независимость САСШ от Британской империи, Великая французская революция и Наполеоновские войны **сделали необратимыми утверждение национальных конституционных демократий и ломку межсословных гражданских барьеров.** Романтики-просветители и новый предпринимательский класс («мелкие буржуа»), бесправное и голодное крестьянство, люмпенизированные горожане

составили основную социальную силу революции. Сформулированные в этой волне демократические идеалы и социальные утопии стали Библией всех последующих революций и революционных войн, часто уподоблявшихся этому времени – и в расцветке, и в именах и символах.

Последующий контрреволюционный период, освященный Священным союзом победителей над Наполеоном Бонапартом, выдержал малоуспешные революционные вспышки 1830-х., повстанческие движения (одно из самых ярких – восстание в Польше 1830г.) и «диссидентские» тайные общества интеллектуалов и первых профессиональных революционеров.

Вторая волна. 1848-1871гг. Это время заштамповано как «Весна народов». Но куда более значимо для истории социальных революционных волн **рождение организованного рабочего движения**, которое оттеснило прогрессивный, но по природе своей – трусливый мелкобуржуазный («средний») класс. Бывшие заговорщические «тайные общества» превратились в публичную политическую силу – партии, союзы и ассоциации. Утвердилось как новая сила и профсоюзное движение разноотраслевого «наемного труда». Рабочие восстания в Париже, Вене, Кельне, в Италии и Бельгии сделали для национального объединения и первых экспериментов «социальной ответственности» государства больше, чем все буржуазные национальные собрания и конституционные манифесты вместе взятые. «Равенство без границ» и социальная справедливость как классовая проблема на долгие годы задали алгоритм борьбы за господство. В этот же период прошли и первые войны в центре капиталистической миро-системы – Крымская и франко-прусская войны (предтечи Большой мировой войны 1904-1975гг). Это – и период первого воплощения «призрака коммунизма», который воочию все увидели на примере Парижской коммуны 1871г. Через четыре десятилетия алгоритм «война-революция» будет воспроизведен в куда более глобальном масштабе.

Консервативный период до мировой войны вошел в историю как время «первой глобализации» а ля Pax Britannica. Расцвет либерального капитализма, на долгие годы ставший образцом успешного рыночного общества. Правда, либеральный капитализм «умер» в 1930-е, под ударами «Великой депрессии», антикризисных моделей государственного капитализма и фашистских экспериментов.

Третья волна. 1917-1930е. С началом т.н. первой мировой («война народов») рухнуло колониальное могущество большинства империй. Социальная революция в Российской империи и менее успешные революции в Венгрии и Германии, в Мексике и Турции, Испании, Китае и др. создали почву для **организованного** социально-революционного движения, в которой ключевую роль сыграли крестьянство и многочисленные массы промышленных рабочих.

«Социалистическая утопия» была воплощена в практике отдельных государств и международных организаций. В свою очередь, **трансформация колоний в новообразующиеся «национальные государства»** (Версальский мир 1918г., «14 пунктов Вудро Вильсона», - распад Австро-Венгрии, последующая реформа Британской империи в Содружество, подъем в арабском мире) **сделала возможным выбор «пути развития».**

Раскол единой мир-системы на два «лагеря» почти на столетие **задал повестку конкуренции двух социальных систем**, а социалистический тоталитаризм («сталинизм») и корпоративный тоталитаризм («фашизм») были лишь двумя крайностями в начавшейся борьбе этих систем.

Европейский фашизм и нацизм, на фоне мировой реакции против всех без исключения революционных процессов (с кульминацией – войной в Испании, предтечей мировой войны), обусловил и неизбежность второй фазы Большой мировой – вторую мировую войну.

Четвертая волна. 1949-1968 гг. Вторая мировая война не ограничивается только «победой над фашизмом». Ее последствия куда более системные и глубокие. Послевоенный кризис создал условия и возможности для полной деколонизации мира и появления т.н. «третьего мира» - десятков молодых государств, требовавших права голоса, места на мировом рынке, права на самоопределение.

«План Маршалла» позволил новому лидеру Запада США переформить старую систему территориального колониализма в новую, более гибкую и открытую систему нео-колониализма, и одновременно лишил европейский союзников старых источников и ресурсов развития.

Анти-колониальное движение стало новой интегральной революционной силой, выявившей новый феном глобализированного капитализма – «нации-пролетарии» и «золотой миллиард» объединившихся бывших метрополий.

Трактовка всего этого исторического отрезка как «холодной войны» хоть и стала крайне распространенной, но по существу – выгодна только критикам революционных процессов, и удобна т.н. «имперским идеологам».

Победа коммунистов в Китае, корейская и вьетнамская войны, восстания и демократические процессы в т.н. «социалистическом лагере» (Венгрия, Польша, Чехословакия), левацтвующий Ближний Восток, революция на Кубе, широкое антивоенное движение на Западе в 1960-е и знаменитая «бархатная революция» в Европе 1968 года – **все это обеспечило мощнейший рывок социальной демократии, создавший условия для создания модели т.н. «социального государства» с широкими обязательствами по социальным инвестициям и выравниванию доходов. Пост-колониальный мир и социальное государство – достижения этой волны, и ее**

«отражение» еще сыграет свою роль через три десятилетия.

«Четвертая волна» обусловила и первый послевоенный кризис глобализированного капитализма, известный как «энергетический» (1973, создание ОПЕК).

Завершение вьетнамской войны, начало разоружения и созыв СБСЕ (как символическое завершение Большой Мировой войны»), признание прав новых государств на участие в мировом разделении труда (решение Генеральной Ассамблеи ООН о «новом экономическом порядке») создавали условия для глобальной передышки. Самые пассионарные «дети революции» ушли в подполье, и Европу еще долго сотрясали партизанствующие евро-террористы из «красных бригад».

Кривым зеркалом революционной волны стала «исламская революция» в Иране, с которой начался исламский ренессанс и поиски своей собственной «социальной модели развития» во всем пролетаризированном исламском мире.

Пятая волна. 1989-1993. Эта короткая революционная волна часто именуется «второй весной народов». Ее предтечи – выступление «Солидарности» в Польше, «короткая холодная война» 1983го, поставившая на грань войны весь мир еще ближе, чем в злопамятный период Карибского кризиса, начало перестройки в СССР (1985). Ее особенность – быстрое сворачивание массовых движений, контр-революционные реформы по типовой модели и в дизайне «national building» (на самом деле и по факту – модель корпоративного государства на периферии капиталистической миро-системы).

В конце 1980-х сторонники глубоких анти-тоталитарных преобразований выступали под лозунгами «свободного человека в свободном мире» и опирались на интеллектуальное, политическое наследие революционного подъема 1960-х.

«Шестидесятники» отстаивали либеральные свободы как новый социальный идеал, и тем самым во многом «притушили» радикализм революционных движений.

Широкие демократические движения в бСССР и странах Центральной Европы, объединение Германии, быстро исчерпали свой прогрессивный потенциал. Нео-либеральный бум и ренессанс капитализма укрепил в государствах периферии позиции местных элит и раскрыл рынки для глобальных компаний из центра миро-системы.

Глобальный капитализм оказался намного сильнее слабых и крайне меркантилизированных демократических устремлений в странах обнищавшего «бывшего социалистического лагеря».

Внешние инвестиции в обмен на «бегство капитала» и изъятие дешевых ресурсов, деривативные спекуляции, коррумпируемые корпоративные системы управления на добрых два десятилетия обеспечили процветание развитого Запада, получившего доступ к огромному «советскому наследию».

«Конец истории и победа либерализма» - этой формулой американских философ Ф.Фукуяма не только привел в уныние сторонников глубоких социальных трансформаций, но и отразил неподдельный романтизм национальных олигархий «новых корпоративных государств». Ведь о либеральных реформах, свободном рынке (и это в эпоху олигополистического глобального капитализма!) и «догоняющей модернизации» не говорил только ленивый.

И только холодный душ очередного цикличного кризиса капитализма, связанного обрушением деривативной финансовой пирамиды, вновь встряхнул мир.

«Нации-пролетарии» пост-колониального мира и быстро теряющий доходы «глобальный средний класс» оказались

самыми пострадавшими сторонами кризиса. Новый глобальный игрок – коммунистический Китай – заявил о себе не просто как лидер экономического роста, но и как новая «системная альтернатива» сложившемуся порядку вещей.

III Шестая волна

*«Мне говорят, что нет никакой опасности,
потому что нет никаких восстаний;
мне говорят, что раз нет открытых проявлений недовольства,
нет и революций.
Господа, позвольте мне заметить:
я убежден, вы ошибаетесь»*

Алексис де Токвиль

Революционные «вспышки» - это системная реакция «нижних классов» глобализированного мира на анти-социальную природу и политику государств-корпораций последних 3-х десятилетий и начавшийся демонтаж моделей «социального государства» в странах «ядра» (Запад) и «старо-индустриального пояса» всей капиталистической мир-системы.

И – это своеобразная **«социальная реституция»** в интересах большинства. Широкий межклассовый альянс «нижних классов» - против транснациональной олигархии и национальных корпоратократий.

Подавляющая большинство государств, созданных по итогам второй мировой войны, распада колониальной системы и трансформации «социалистического лагеря» (1945-1991)

вынуждены были включаться в глобальную гонку технологий и конкуренции с ведущими ТНК и мировыми центрами роста.

«Технологический империализм» сделал бессмысленными и неконкурентными как автаркии (закрытые социально—экономические системы), так и территориальные экспансии с целью территориального, физического захвата территорий и ресурсов. Вернее, эти два способа саморазвития перестали быть эффективными.

Глобальное разделение труда вынуждало новых акторов «вписываться» своим потенциалом и возможностями, искать ниши и места на рынке. Феномен Китая – скорее исключение из правил.

Элиты корпоративных государств **стремились к монополии на те национальные ресурсы развития**, которые обеспечивали им место и доход на глобальном рынке, и одновременно – становились источником власти в собственной стране. Монопольное использование доступа к природным ресурсам, профильно-отраслевая эксплуатация населения, участие в глобальном распределении излишков человеческого капитала («глобальная миграция» - лишь поверхностное определение политики нео-рабства, фактической торговли трудовыми ресурсами и управление этими потоками на транснациональном уровне), фактическая монополия корпоративных элит на распоряжение национальными финансами (бюджеты) и манипуляция социальными издержками – все это стало общей характеристикой государств-корпораций, большая часть из которых лишь прикрывается процедурной демократией как фасадом.

Но, как и у всякой монополии, такой консервативный, хищнически-защитный инстинкт приводит к замедлению развития и умирания тех сфер и отраслей, которые требуют консолидированного и опережающего инвестирования, конкуренции, привлечения новых технологий.

«Вторичная дикость» в экономике обрекает и все общество на «вторичную дикость» - старые уклады, затухание науки, зависимость от импорта технологий и высокотехнологических продуктов. И главное – резко повышает уровень эксплуатации труда, повышает затраты на социальные услуги, резко уменьшает долю социальных инвестиций в общих затратах национального бюджета. Купировать анти-корпоративные бунты можно либо за счет установления жесткой полицейской диктатуры, либо – с помощью мобилизации на войну. Либо же сочетание обеих вариантов сразу.

Не исключение – и Украина. Национальная корпоратократия «огородила» от влияния рынка и конкурентов сырьевые отрасли, инфраструктуру, природные ресурсы, землю. Две мелкобуржуазные революции 2004 и 2013-2014гг завершались корпоратократической контрреволюцией и еще большим социальным напряжением. Война и нищета, сворачивание «социального государства» и рынок социальных услуг уже подняли градус социального недовольства до уровня новой пред-революционной ситуации в 2018 - 2019гг (условно, «Майдан-3»).

Но если периферийные революционные бунты можно купировать, вождей – купить или изолировать, а общество держать в узде внешней зависимости, то бунт в центре миротехнологической системы – в Евро Союзе – грозит куда более серьезными потрясениями. Именно **Европа** становится **эпицентром новой, шестой революционной волны**.

Шестая волна (2003-2019+), в отличие от короткой пятой, грозит стать одной из самых длинных и фундаментальных по последствиям (таким, же как, например «первая» 1870-1815 и «третья» 1917-1930е).

Очевидно, что у каждого из примеров есть свои специфические внутренние причины, побудительные мотивы и внешние обстоятельства. И тем не менее ВСЕ со-временные протесты и революционные процессы объединяет выраженная социальная повестка – против хищнического корпоративизма государства, за новые социальные права и социальные свободы. Именно поэтому можно говорить о **«социальной революционной волне»**, разворачивающейся по **нарастающей экспоненте**, - от смены элит к смене проводимой политики, и от периферии – к центру современной глобальной капиталистической системы (Запад).

Новый виток борьбы бывших колоний – теперь уже с последствиями нео-колониализма, революционная «перестройка» Европы после еще незалеченных потрясений финансово-экономического кризиса 2008-2009гг, вызов Китая с его «социализмом с китайской спецификой», «цветные» анти-корпоративные революции, широкий социальный протест в Европе 2018-2019 – все это сливается в новое много-слойное революционное социальное движение.

По существу же, **это - начавшаяся глобальная анти-корпоративная социальная революция, которая может привести к радикальным** изменениям во всей миро-системе современного капитализма.

Эти изменения воспринимаются не просто как «кризис», а как революционное разрушение «старого миро-порядка».

Международная система безопасности, глобальные финансовые институты и система расчетов, сферы и механизмы влияния геополитических центров на периферии, военные кампании, международное право – все летит под откос.

Последние годы доживает свой срок бывшее евро-атлантическое единство. Запад образца XX века расщепляется на континентальный и тихоокеанский.

Европейские элиты, испуганные кризисом, военными конфликтами на континенте и революционным подъемом, вновь возвращаются к идее «Европы-крепости», со своей армией, европейской ПРО и полноценной субъектностью на мировой арене (учитывая, тем более, и желание «ре-конкисты» своего влияния на бывшие колониальные территории, «утерянные» после «плана Маршалла» во второй половине XX века).

В 2018-м транснациональная олигархия и старая т.н. «черная аристократия», национальные корпоративные элиты, опирающиеся на интересы крупного частного капитала, столкнулись с начавшимся революционным бунтом европейских нижних классов, усиленных пролетаризированным миграционным потоком со стран «периферии». И подавить этот бунт можно либо за счет возврата к авторитарным моделям национальных государств (национализм, разрушающий ЕС), либо – пойдя на уступки в вопросах характера и модели дальнейшей евро-интеграции (социальное выравнивание, наращивание социальных инвестиций, наднациональные демократические институты управления и контроля за публичными европейскими финансами).

Анти-корпоративизм, солидаризм, новые социальные свободы и новое равенство, «справедливое социальное государство» – ключевые послы европейских революционных протестов в Париже и в Брюсселе, в Тиране и в Бухаресте. В движении – сотни тысяч, в динамике – эффект «домино» и подражание, в скорости координации – в полном соответствии с возможностями «информационного общества».

По своей сути, европейский революционный процесс стал своеобразной кульминацией всех предыдущих «вспышек» против корпоративного государства в Центральной и Восточной Европе, в арабском мире и в Латинской Америке. И от успеха или поражения социальных изменений в Европе теперь

непосредственно зависит исход «шестой революционной волны».

Повестка «шестой волны» выходит из зачаточного состояния социального популизма и приобретает вполне конкретные черты **«пост-национального социализма»**.

Среди образцов – «Манифест» европейских интеллектуалов о реформировании ЕС (Том Пикетти и К, декабрь 2018г.). Его ключевые послы – *«... Европа должна выстроить для своих граждан оригинальную модель равного и устойчивого социального развития, ...»*, *«... Европа сможет прийти к примирению с гражданами только в том случае, если предоставит им конкретные доказательства своей способности добиться солидарности между европейцами, ...»*, *«Наши предложения опираются на формирование демократизационного бюджета, который обсуждается и утверждается суверенной европейской ассамблеей»*.

В «Манифесте» авторы призывают к формированию качественно нового бюджета ЕС, который инвестирует в развитие, новое равенство (речь идет о «внутреннем социальном выравнивании» в каждой европейской стране) и о социальных инвестициях в науку, образования и университеты. Таким образом, реабилитируется «социальное государство» и предлагаются механизмы нового уровня обобществления в ЕС в целом, более справедливое перераспределение частных сверхдоходов (прибыль крупного капитала, богатство и недвижимость, наследство), вовлечение частного капитала в общие программы развития еврообщества как «солидарного общества».

Инициатива создания Европейской ассамблеи и «демократизаторского бюджета» свидетельствует о стремлении к новой социально-демократической модели создания европейского государства как «социального государства».

От того, каким будет путь революционного движения, и какая модель победит – **«либеральный национал-консерватизм»** старой Единой Европы, **популистский евро-экзит** от воспрявших националистов или **новая интеграция на основе над-национальной социальной демократии** – покажут уже ближайшие выборы. Только не в Украине. В Европе, в европарламенте.

А Украина, как метко отметил Я.Грицак, уже не влияет на развитие Европы. Если только не взорвется под напором социальных бунтов в 2019м, и если не создаст новые риски все-европейской войны.

P.s. Я ничего не сказал о президентских выборах в Украине. Возможно потому, что выборы-2019 стали монопольным делом национальной корпоратократии, и поэтому эти выборы НИЧЕГО не решают по существу – для социальной демократии в Украине, и для социальной революции в Европе.

Другое дело, - значение украинской контр-революции и новые угрозы, которые несет украинская контр-революция будущему Европы. Но это отдельная тема.

«Contra spem spero» («Без надежды надеюсь»)

Какие ожидания связывают украинцы с предстоящими президентскими выборами? Судя по результатам исследований, избиратели испытывают достаточно противоречивые чувства...

С одной стороны, население живёт в ожидании перемен. В украинском обществе сформировался запрос на смену политического курса и качественное обновление власти. Подавляющее большинство граждан недовольны политикой, которую проводит нынешняя власть, негативно оценивает деятельность Президента П.Порошенко. Три четверти опрошенных (74%) полагают, что дела в Украине идут в неправильном направлении. *(Здесь и далее приводятся данные опроса населения Украины, проведенного Группой «Рейтинг» в ноябре-декабре 2018 года. Объем выборки – 40 тыс. респондентов, статистическая погрешность не превышает 0,5%).* **Запрос на перемены – неотъемлемая компонента недовольства нынешней властью.**

С другой стороны, продуктивность предстоящего голосования воспринимается скептически. **Украинцы в большинстве своём не верят, что выборы принесут желанные перемены.** Только треть опрошенных граждан (31%) полагает, что в результате президентских выборов ситуация в Украине «скорее улучшится». При этом, примерно столько же (35%) считает, что ситуация не изменится, а 15% - что «скорее ухудшится». Каждый пятый (19%) респондент не определился с ответом, что также показательно.

С каждым претендентом на пост Президента избиратели связывают особые ожидания, своё видение перспективы.

Рассмотрим мотивационную подоплеку электоральной поддержки наиболее рейтинговых кандидатов.

«Код Порошенко»

Ключевым слоганом предвыборной кампании П.Порошенко стала триада **«Армія. Мова. Віра»**. По умолчанию **«код Порошенко»** также включает внешнеполитические ориентиры «Евросоюз» и «НАТО». В своей совокупности эти компоненты репрезентируют цивилизационный выбор «Геть від Москви!». Фактически населению предложили концепт национальной идеи (**«код национальный идентичности»**), который должен объединить избирателей вокруг Президента.

Ценностные компоненты «кода Порошенко» дают возможность гражданину определенным образом идентифицировать себя в качестве «настоящего украинца». При этом «код Порошенко» не затрагивает сферу повседневных потребностей. Сторонники П.Порошенко являются, в определенном смысле, идеалистами, формирующими свои запросы к кандидату исходя из «интересов страны», «общественного блага». Ключевое здесь – нонконформизм, жертвенность и стоицизм («нездоланність»). Меркантилизму здесь не место. **Для сторонников Порошенко он актуален как проводник определенной внешней и культурной политики, обеспечивающей самоутверждение (самореализацию) идентичности национал-патриота.**

«Код Порошенко» представляет собой **«политику идентичности»** (Ф.Фукуяма) - **идеологию правого толка, которая апеллирует к этно-национальному статусу избирателя**, эксплуатирует возмущение граждан в связи с непризнанием политической суверенности и культурной самодостаточности украинцев (со стороны России). «Код Порошенко» взывает к чувству личного достоинства избирателя, для которых важно, чтобы украинцев «видели» и признавали в качестве равных среди других наций.

Однако, если «код Порошенко» в целом поддерживает около половины украинских граждан (отдельные его положения – более половины), то самого Порошенко в качестве кандидата поддерживают около 11% среди всех опрошенных. Это несоответствие объясняют две причины:

- Недовольство населения социально-экономической политикой, которую проводит нынешняя власть.
- Сам Порошенко в глазах избирателей не соответствует критериям патриотизма, в первую очередь – готовности к самопожертвованию.

«Код Порошенко» не отвечает ключевым ожиданиям избирателей – тем надеждам, которые население связывает с решением актуальных проблем. Опросы показывают, что людей беспокоят иные темы, и они по-другому видят приоритетные задачи будущего главы государства. «Народную повестку» ожиданий можно сформулировать следующим образом:

- **«Мира!»** - скорейшее прекращение военных действий и урегулирование конфликта на Донбассе;
- **«Хлеба!»** - повышение покупательной способности, уровня жизни населения в целом;
- **«Справедливости!»** - борьба с коррупцией, наказание коррумпированных представителей власти.

Многие кандидаты на пост Президента в своих программных заявлениях повторяют, ретранслируют положения «кода Порошенко» - его ценностно-культурные и внешнеполитические моменты. Отличия конкурентов Порошенко заключаются в том, что они, главным образом, апеллируют к социально-экономическим ожиданиям населения. В «код Порошенко» они встраивают отдельные положения «народной повестки». Таким образом, с Порошенко конкурируют его «усовершенствованные модификации».

А.Гриценко – «честная версия» Порошенко

Многие украинцы, поддерживающие политический курс «Геть від Москви», воспринимают П.Порошенко как

ситуативного попутчика, оседлавшего волну национал-патриотического подъема 2014 года, который цинично обогащается в условиях войны. Это обстоятельство породило запрос на «честную версию» Порошенко – мужественного и бескорыстного патриота, который в полной мере следует «коду Порошенко», но не отягощен бизнесовыми интересами и не причастен к коррупции.

Часть избирателей надеется, что таким «сильным» и «честным» главой государства станет Анатолий Гриценко. Его предвыборная программа созвучна этим запросам. В своей кампании Гриценко делает акцент на решении проблем, которые украинцы считают наиболее важными для страны. Речь идет о военном конфликте на Донбассе и коррупции во власти (согласно опросу Группы «Рейтинг»). Причем, в определенном моменте эти две проблемы сливаются в одну. В массовом сознании распространена точка зрения, что нынешняя власть наживается на войне, и по этой причине не заинтересована в ее прекращении. (Некоторые национал-патриоты считают это обстоятельство главным препятствием на пути к победе). Именно высокий уровень коррупции в конечном итоге стал причиной кризиса доверия к власти.

Гриценко стремится соответствовать образу «бескорыстного борца с коррупцией». *«Я вам гарантирую, что у президента Украины не будет офшоров, собственности за границей, я гарантирую, что пирамида коррупции превратится в трапецию. Вверх больше не надо [будет «отстегивать»]. Только где-то кто-то — обрублю руки».* Неслучайно усилия «недоброжелателей» Гриценко сосредоточены на создании легенды о его коррумпированном прошлом (во времена работы в Министерстве обороны). Регулярно муссируются намёки на непатриотичную трусость Гриценко, на его удаленность от эпицентра вооруженного конфликта.

**Ю.Тимошенко – «патерналистская версия»
Порошенко**

Главный негатив в отношении к Порошенко объясняется недовольством населения своим материальным положением, социально-экономической ситуацией в стране. Согласно опросу Группы «Рейтинг», лично для респондентов наиболее важными проблемами являются высокие тарифы на коммунальные услуги, рост цен на потребительские товары, а также низкие доходы. Население возмущает политика сокращения социальных расходов (политика «затягивания поясов»), которую проводит правительство.

Патерналистские установки и недовольство политикой «затягивания поясов» формируют ожидания, к которым апеллирует Ю.Тимошенко. Знаковыми для её кампании стали обещания вдвое снизить тарифы на услуги ЖКХ, повысить зарплаты и пенсии («сделать их как в Польше»), а также «восстановить социальную справедливость» - наказать коррумпированных представителей власти. Будучи наслышаны о личной вражде Тимошенко и Порошенко, население охотно верит в непримиримость ЮВТ и её решимость осуществить «социальную месть».

Одновременно, в своей рекламе и публичных выступлениях Тимошенко подтверждает приверженность положениям «кода Порошенко» (война до победы над врагом, евроинтеграция, курс на вступление в НАТО, поддержка поместной церкви и др.). Наглядное тому подтверждение – съезд партии «Батькивщина», на котором Тимошенко была выдвинута кандидатом в Президенты. Благословение Патриарха Филарета, публичная поддержка Первого Президента Леонида Кравчука и экс-генсека НАТО А.Ф.Расмуссена (подлинная или мнимая – не важно), выступления АТО-шников, заявление самой Тимошенко о необходимости немедленного вступления в НАТО - всё это должно было убедить избирателей национал-патриотического крыла, что ЮВТ твердо придерживается курса «Геть від Москви».

О.Ляшко – «социал-революционная версия» Порошенко

Многие украинские граждане полагают, что недостаточно просто переизбрать главу государства, запятнавшего себя коррупцией. Необходима кардинальная ломка политической системы. И для выполнения этой миссии нужен особенный политический лидер – из народа, хорошо знающий нужды простых людей, но в тоже время – «не от мира сего», неподвластного искушениям коррупции. Запрос на «несистемных» политиков радикального толка сформировал основу для поддержки Олега Ляшко. Его сторонники верят, что в борьбе с «системой» Ляшко пойдет до конца. По сути, он одновременно и оппонент Порошенко (в качестве критика «системы»), и конкурент Гриценко (в роли борца с коррупцией), и альтернатива Тимошенко (на уровне патерналистских обещаний).

В.Зеленский – «Противсіх»

Украина переживает глубокий кризис политического лидерства, кризис доверия к политической элите (истеблишменту). Этот кризис настолько глубок, что привел к агрессивному неприятию не только «старых политиков», но и политиков вообще. Одновременно этот кризис породил запрос на «новые лица» из среды андеграунда. Речь идет о людях, которые далеки от власти, от политической деятельности. Непричастность к политике в массовом сознании воспринимается как «незапятнанность». Но что более важно — удаленность от власти воспринимается как в признак родства с простыми людьми. Пропасть между гражданами и политической элитой (хоть правящей, хоть оппозиционной) очень глубока. И новоявленные популисты из числа шоуменов были восприняты, как стоящие на той же стороне пропасти, что и простые люди.

Изначально многие эксперты полагали, что основная борьба за президентский пост развернется между П.Порошенко и Ю.Тимошенко. Таким образом, конкуренция за лидерство представлялась как состязание представителей действующей

власти и «системной» оппозиции. Однако в январе 2019 г. на первое место в электоральном рейтинге неожиданно вышел «несистемный» В.Зеленский. Таким образом, на старте официальной кампании изменился её контекст. **Теперь в фокусе общественности оказалось противостояние между «системным» и «несистемным» кандидатами.**

Зеленского охотно поддерживают и на Востоке страны, и в западных областях. Это не значит, что он оказался в роли общенационального лидера, который консолидирует нацию, отстаивает общие ценности. Речь идет о протестной активности «противсіх» - идеологически нейтральных и деполитизированных избирателей, которые имеют место во всех регионах страны. Примечательно, что сербский предшественник Зеленского - комик Лука Максимович баллотировался на президентских выборах в 2017 году под лозунгом «Нищие наносят ответный удар» (логично было бы добавить - «системе»).

Зеленский выступает в роли дестройера (разрушителя), превращая предвыборную кампанию в фарс. Он дезавуирует пафос кампании Порошенко, позиционирующего себя в качестве единственного («безальтернативного») кандидата, который противостоит Кремлю. Зеленский «неудобный» оппонент и для Тимошенко, поскольку он не собирается дискутировать о концепции экономического и политического развития. Зеленский изобличает участников президентской гонки как лицедеев и обманщиков, с которыми дискутировать не имеет смысла. На фоне кризиса доверия к политикам, многие избиратели с восторгом воспримут и поддержат такое изобличение - как заслуженную пощечину истеблишменту.

На первый взгляд, Зеленский содержательно оппонирует «коду Порошенко». В частности, в своих выступлениях Зеленский ратует за скорейшее прекращение войны, заявляет о готовности вести мирные переговоры с кем-угодно,

иронизирует по поводу создания поместной церкви. Однако, по факту избирательная кампания Зеленского лишена концептуальной основы, цельной идеологии. Он не демонстрирует собственного видения политических целей, своего видения перспективы для страны. Более вероятно, что избиратели станут свидетелями высмеивания оппонентов, стёба по поводу их деятельности. Именно такая позиция кандидата позволяет привлекать в ряды своих сторонников людей эклектических взглядов или без таковых.

Фактически у Зеленского нет собственного электората, который бы поддерживал ту или иную идеологическую концепцию или стратегию развития. Зеленского и его сторонников не связывают идеи и смыслы. И в этом для самого Зеленского таится опасность – в любой момент такой избиратель может отвернуться от своего кумира.

«Другая Украина»

Сторонников Юрия Бойко объединяет, во-первых, категорическое неприятие политического курса, который проводит власть, а также неприятие её идеологической доктрины («кода Порошенко»). Во-вторых, «избиратели Юго-Востока» претендуют на то, чтобы их «увидели» и «признали» полноправными членами украинского общества, признали их достоинство, их право на собственное мировоззрение и ценности. Их объединяет протест против ущемления прав как представителей этно-культурной группы, против отношения к ним как к людям, «утратившим связь с национальными корнями». Таким образом, в электоральной мотивации электората Бойко значительную роль играет фактор идентичности.

Электорат Ю.Бойко связывает с предстоящими президентскими выборами перспективу скорейшего завершения войны на основе достижения компромисса («мирным путем»). Причем эту перспективу неразрывно связывают со сменой П.Порошенко на посту Президента, который «не способен» и «не заинтересован» в прекращении войны.

Сторонники Бойко – последовательные критики «кода Порошенко». Они не приемлют клерикалистскую политику нынешней власти, её северо-атлантические устремления, ограничительные меры в отношении русского языка и русскоязычного культурного продукта, идеологическую цензуру. Им не чуждый патернализм, но реализацию собственных экономических интересов они увязывают с перспективой экономического развития в стране в целом. Окончание войны ими воспринимается не только как самодостаточная ценность («худой мир лучше доброй войны»), но и как важнейшее условие (предпосылка) для подъема экономики, и в конечном итоге – повышения уровня жизни населения. Поэтому социальные обещания Бойко кажутся им более реалистичными, «обоснованными», нежели популизм Ю.Тимошенко и О.Ляшко.

Хотя основу электоральной поддержки Ю.Бойко составляют жители Юго-Востока страны, было бы ошибочным называть его электорат «пророссийским». Как показывает анализ, среди сторонников Бойко только половину составляют русскоязычные граждане, и лишь немногие поддерживают перспективу политической интеграции с Россией. В массе своей «бойковцы» – сторонники либерально-демократического, светского государства, политики неприсоединения («собственного пути») и мирного соседства.

Таким образом, **речь идет о последовательном оппонировании «коду Порошенко», альтернативном видении перспективы для Украины.** Правда, эти ожидания не нашли должного отражения и концептуального идеологического оформления в предвыборной программе самого Бойко.

Оправдаются ли ожидания украинских граждан, которые они связывают с президентскими выборами? Результаты опросов дают основание предполагать, что любой исход голосования вызовет недовольство и несогласие у большинства населения.

Несмотря на обилие фамилий в избирательном бюллетене (44 кандидата!), украинские граждане, похоже, в который раз **столкнутся с дефицитом выбора**. Участие в выборах «новых лиц» и «молодых политиков» не решило проблему лидерского кризиса, отсутствия в политике общепризнанных моральных авторитетов. Среди сторонников кандидатов в каждом случае значительной является доля тех, кто выбирает «наименьшее зло» (потому что другие – «еще хуже»).

Моделирование второго тура президентских выборов показало, что многих респондентов не устраивают ожидаемые пары финалистов. Особенно негативную реакцию вызвал сценарий, согласно которому во второй тур выходят Петр Порошенко и Юлия Тимошенко. **Для половины опрошенных граждан кандидатуры Порошенко и Тимошенко являются в равной степени неприемлемыми.**

Среди населения укрепляется мнение, что **президентские выборы не будут честными**. В СМИ активно муссируются сообщения о подготовке массового подкупа избирателей; журналисты подробно рассказывают о расценках за голос и формировании «сетей агитаторов», через которые будет производиться подкуп. Как следствие – половина опрошенных (51%) граждан считает, что при голосовании будут иметь место «значительные» фальсификации. (Еще треть респондентов (33%) полагает, что фальсификации будут «незначительными»). Таким образом, формируется недоверие к результатам выборов, к их легитимности. В свою очередь, **это создает предпосылки для активного неприятия нового Президента и его решений.**

Удастся ли Украине преодолеть вызовы политической нестабильности, связанные с предстоящими выборами? Остаётся, в который раз, надеяться на мудрость и терпение украинского народа...

За фасадом выборов

Война за ренту

Вопрос мирного урегулирования входит в топ тем, которые беспокоят украинскую общественность. Что совершенно не мешает участникам близящихся выборов формировать предвыборное меню на основе широкого ассортимента воинственных стратегий. Парадокс, но это работает. При всем показном электоральном миролюбии, соотношение избирателей, готовых поддержать повестку войны, к избирателям, ориентированным на предложения урегулирования, составляет приблизительно 8 к 2-м.

В ходе выборов в Украине избиратели смогут принять участие сразу в нескольких «военных кампаниях». Как минимум в «отечественной», «антиолигархической», «национально-освободительной», «гражданской», «войне за веру» и т.д. В каждой из этих кампаний есть вариант участия за власть и за оппозицию. Поэтому их мобилизационный потенциал при определенных условиях может оказаться выше прогнозируемых социологами показателей ожидаемой явки.

Воинственность в широком смысле, как крайнее выражение активной бескомпромиссности, стала признаком не только текущей избирательной кампании, но и всей политической жизни в целом. Это можно объяснить действием фактора российской агрессии, которая формирует общее лекало для украинской политики. Но если вдуматься, то можно обозначить и более глубокие причины.

Украинское общество утратило преобразующую динамику. Социализм демонтирован. Национальная экономика,

построенная на трофейном освоении ренты от природных ресурсов и постсоветских активов, достигла предела своих возможностей. Ренты, которой еще вчера было вдоволь, сегодня уже недостаточно. Потому что капитал не реинвестировался, а выводился, слишком жестки рамки международного разделения труда, потеряны или свернуты рынки, сузился платежеспособный спрос и т.д. — факторов и объяснений хватает. Это не хорошо и не плохо. Это то, что произошло.

Трофейная экономика размыла классовую структуру, сформировав специфическое квазисословное общество, состоящее из корпоративной «знати», служиво-сервисной «челяди» и трудовой «черни». Власть и государство превратились в многоуровневую пропускную систему в национальную кладовую. Кладовая опустела, наступил период кризисной ломки, приведшей к интенсивным конфликтам по поводу распределения оставшихся национальных богатств. Напряжение росло от выборов к выборам. И вот теперь мы приближаемся к пику битвы за ренту. Ее активными участниками будут не только корпорации, но и широкие слои населения, внезапно лишившиеся привычной социальной защиты.

Для украинцев рента уже давно превратилась в фетиш и синоним выживания. Война за ренту — не важно, дивиденды ли это, субвенции, субсидии, пенсии или еще что — постепенно становится сутью происходящего. Она вытесняет все остальные процессы и события. Отражается на всем, в том числе и на выборах. Не имеет смысла говорить о дискуссиях, критичном соревновании гипотез о направлении развития страны, диалоге, достижении компромисса и взаимном уважении позиций. Война не признает компромиссов. Как сказал один из кандидатов — «мы или они».

Все остальное определяется местом в общественной и корпоративной иерархии. Чем ниже положение кандидата и

избирателей, к которым он апеллирует, тем жестче и радикальнее его послы. Тем больше он говорит о несправедливости рентного распределения.

Труднее всего действующей власти. Она делает вид, будто ренты не существовало в принципе, а ресурсы страны — это воображаемые друзья, или бездомные животные, которых надо взять домой. Например, пенсия — это не рента с природных ресурсов. Это результат солидарных либо личных накоплений.

Оппозиция говорит о ренте охотно, противопоставляя правящему либерал-популизму социал- или солидар-популизм. Конечно, здесь тоже есть своя специфика. Для оппозиции рента — это только капитал, накопленный правящей верхушкой. Потому пахнет очередной реинкарнацией то ли «скарбів-полуботка», то ли «миллиарда-януковича», место которых займут очередные «клиенты ротшильдов».

Население не верит в либерал-популистскую сказку власти и лишь частично разделяет репрессивную ограниченность оппозиции. Оно видит ренту везде: в пенсиях и коммунальных тарифах, в образовании и медицине. Рента лежит в основе поддержки унитаризма и подпитывает соборность. Вряд ли националистическое «Украина — для украинцев» имеет для людей еще какой-то смысл. Украина — это и есть рента, как бы меркантильно это ни звучало. Именно поэтому «не отдадим ни пяди» и «пусть катятся» звучит так убедительно.

Украиной хотят быть все. Власть говорит о защите «Украины воспрявшей», оппозиция — об отмщении за «Украину поруганную». Приобщение и слияние с образом Украины имеет принципиальное значение. Это инструмент мобилизации и дополнительная гарантия неприкосновенности на случай поражения. А потому много патриотизма не бывает. Особенно, когда ставки так высоки и слово «война» уже не воспринимается только в качестве фигуры речи или политической технологии.

Общество войны

Одним из ключевых факторов, трансформирующим украинское общество, стал военный конфликт на востоке страны. Он воздействует и на социальную структуру, и на состояние массового сознания, и на алгоритмы социального взаимодействия.

Конфликт привел к появлению в Украине военной социальной группы — военного класса. В своем становлении он прошел несколько этапов от активистско-добровольческого конгломерата до контрактного военного «пролетариата».

С начала боевых действий война на востоке превратилась в еще одну отрасль экономики, вредное производство с установленными расценками оплаты труда и компенсациями «за вредность». И это имело принципиальное значение для оформления военного класса, как группы, строящей свои жизненные планы, ориентируясь скорее на длительность вялотекущего вооруженного противостояния, стабильность и своевременность индексации выплат, чем на скорейшее его завершение.

Еще одной социальной группой, непосредственно связанной с военным классом является многочисленная группа УБД, вернувшихся из зоны военных действий. Если военный класс в силу специфики момента отдален от основного тела украинского общества, то «вернувшиеся» постепенно становятся центростремительным общественным ядром, которое сохраняет свою идентичность и задает тон общественной жизни.

Сегодня многие участники боевых действий страдают от социальной и бытовой неустроенности, помноженной на ПТСР. Они нетерпимы, активны и остро реагируют на происходящее в стране. Их вовлекают в политические и экономические процессы в качестве силовой компоненты. Они олицетворяют конфликтность подходов к решению любых проблем и преодолению всех споров. И это становится мостом, по

которому состояние войны из зоны ООС переносится внутрь общества. Вернувшийся домой «военный класс» в сложившихся обстоятельствах становится «классом войны» в широком смысле.

Не особенно разборчивые политики пытаются извлечь пользу из влияния «класса войны» на общественную жизнь, поддерживая его как пример для подражания и привлекая в качестве союзников и оружия против своих оппонентов. Но никто из них не даст гарантий против того, что в один момент это не станет бомбой, взорвавшей ситуацию в стране.

Влиятельность и значимость «класса войны» обуславливается общим кризисом межличностной коммуникации. Не только в Украине. Это мировая социокультурная тенденция, превращающая гуманизм в официозную квазирелигиозную доктрину, в которую верят все меньше и меньше. Люди становятся все более автономными. Производство автоматизируется. Коммуникации обезличиваются, падая под натиском ботоферм. Человеческая жизнь теряет свою ценность. Правительства, представляющие корпорации, становятся циничнее. Террористы, бессильные против системы — безжалостнее. Столкновения — кровавее. А диалог — все труднее. И в Украине это проявляется особенно остро, потому что война превратила оппонента в противника, а потом основательно противника расчеловечила.

Деграция социального капитала, кризис доверия становится все глубже. Он проявляется в низком уровне доверия к общественным и государственным институтам, в поддержке радикальных лозунгов и позиций, в бездумной готовности поддержать любого авантюриста, изображающего «несистемность», в отрицании права оппонента на собственную точку зрения. Социологи фиксируют высокий уровень недовольства. Отмечают высокую вероятность радикализации протестов, ядром которых исторически неминуемо станет «класс войны».

Процесс милитаризации общественной жизни выразился не только в усилении влияния милитарных и парамилитарных общественных групп, но и в углубляющемся ослаблении и деградации «классов мира». Война вызвала кризис во многих отраслях национальной экономики, которые еще вчера имели статус флагманов. Война превратила Украину в страну с туманной перспективой прифронтальной зоны, в которую не спешат капитальные инвестиции. В связи с этим в Украине высвободилась значительная масса квалифицированных специалистов мирных профессий, не востребованных в Украине. Что приводит к нарастанию «переселенческой волны».

Традиционно к категории переселенцев относят полтора миллиона беженцев из зоны боевых действий и неподконтрольных территорий. И это имеет основания. Здесь милитарная трансформация протекает значительно более интенсивно. Участие в незаконных вооруженных формированиях превратилось в базовую сферу занятости населения ОРДЛО. Подавляющее большинство специалистов мирных профессий, квалификация которых позволяет им устроиться в другом месте, уже выехали либо в Россию, либо в Украину, а то и дальше.

Однако такие же процессы наблюдаются и в других регионах страны. Поток квалифицированных кадров, ищущих лучших условий жизни и работы, растет, измеряясь миллионами. Польша и Чехия, не стесняясь, относят украинских заробитчан к категории переселенцев, выполняя общеевропейские квоты. И имеют для этого все основания, потому что приезжая в другую страну граждане Украины оценивают ее с точки зрения возможности переселения. Этот процесс не такой интенсивный, как в ОРДЛО, но это именно переселение.

Отрасли, потерявшие кадры, будут продолжать сворачиваться. Вплоть до утраты возможности к воспроизводству по технологическим, научным, образовательным причинам. С соответствующими изменениями в связанных социальных группах. В дальнейшем можно говорить о перспективе углубления деградации и архаизации украинской экономики, что станет причиной дальнейшей маргинализации украинского общества.

Население уже сейчас активно готовят к реальности «поденной» адаптации, когда придется менять сферу деятельности настолько часто и кардинально, что будет практически невозможно определить, к какой социальной группе ты относишься. «Выйди из зоны комфорта, прояви креативность, ищи возможности». Но возможностей может быть все меньше. Нестабильность социальной структуры и связанная с этим неуверенность в дальнейших перспективах всегда сопровождаются всплеском популизма и радикализма. В соединении с «классом войны», который не только выступает хребтом этого процесса, но и определяет его характер, это может привести к раскручиванию кризиса, выходом из которого объявят установление диктатуры. Уже сейчас можно насчитать несколько кандидатов в президенты, которые всерьез рассматривают такую перспективу. Но чем грозит Украине гонка диктаторов?

Сегодня мы можем наблюдать формирование «спирали войны», в который мы рискуем попасть: война ведет к деградации и милитаризации — деградация и милитаризация ведут к маргинализации и радикализации — маргинализация и радикализация ведут к войне. Если не остановиться, это может закончиться либо распадом, либо революцией.

Условные аналогии

Социологи не любят и не умеют прогнозировать революции. Это действительно сложно. Приходится оценивать

оформленность повестки, готовность масс, состояние политического ядра.

Возможна ли новая украинская революция? Очередная демократическая революция вряд ли реальна. Понимание того, что демократия на улице не строится, даже если это Майдан, достигнуто.

Что еще? По старой привычке, видя перед собой монополистический капитализм, поневоле начинаешь искать признаки коммунистического инфернализма. Натыкаясь на индустриальный упадок, маргинализацию пролетариата, дискредитированность социалистической доктрины и катастрофическую деградацию левых партий, делаешь обоснованно критичный вывод: социальные бунты возможны, социалистическая революция — нет. Но отменяет ли это возможность революций вообще? Ведь напряжение растет, верхи не могут, низы не хотят. Впрочем хотят — очень хотят хоть кого-то победить.

В последнее время Украину все чаще описывают в терминах нефеодализма. Архаизация экономического уклада. Квазисословная структура общества. Господство религиозных форм массового сознания. Понимание патриотизма как формы безропотного подданства. Кризис института президентской «монархии». Безответственность, жадность и развращенность «аристократического сословия». Враждебное, «антиолигархическое» отношение к нему со стороны ханжеского мещанства. Война с адептами другой религиозной доктрины.

Дальше аналогии с английской пуританской революцией напрашиваются сами собой.

Попавший в ловушку затратной «войны за веру» монарх, исполняющий роль главы церкви и взывающий к подданской лояльности.

Готовая переметнуться в оппозиционный лагерь роялистская знать (корпорации и правительство вкупе со всей вертикалью управления и силовиками).

Умеренная «пресвитерианская» группа во главе с Ю.Тимошенко, перехватывающая рычаги управления, и говорящая о необходимости «нового общественного договора» (имея в виду новый аристократический сговор, а не замыслы представителей утопического активизма-громадизма).

Гонимая оппозиция, исповедующая другую религиозную версию, центр которой находится за границей.

Радикальные «индепенденты» во главе с А.Гриценко, призывающие к тотальным чисткам аристократического сословия, восстановлению приличий, нравов и социальных лифтов, и питающие неистребимую веру в существование мифических честных профессионалов.

Ну и «левеллеры», выступающие за ликвидацию аристократии, всего управляющего сословия как класса с переходом к торжеству прямой демократии. «Мы и они» — говорит В.Зеленский... Впрочем, на любую из этих позиций есть и другие претенденты. И большинство из них обещают рубить руки, расстреливать на главной площади и вообще себя не ограничивать.

На данный момент можно совершенно определенно говорить об оформлении революционной повестки. В Украине назревает эгалитарная, антиаристократическая, антимонархическая революция с налетом рентного солидаризма. Которая, кстати, еще больше отдаляет Украину от мегамонархичной России. Возможно, сегодня мы стоим на пороге первого, «пресвитерианского» этапа. А возможно, мы уже где-то дальше.

Ответы на это дадут, а также на вопросы о массах и политических ядрах дадут дальнейшие события. Конечно же, любые аналогии всегда условны и не более. Но вот насколько они будут условными в Украине?

Зовнішньополітичний вимір виборчого циклу-2019: визначеність в середині, непевність зовні

На передодні великого виборчого циклу 2019 року зовнішньополітична проблематика політики дещо відійшла на другий план. Можливо вперше за останні роки питання, як прийнято казати, «цивілізаційного вибору» або «вектору інтеграції» виглядають в цілому вирішеними. Стратегічна і концептуальна невизначеність подолана. Українська зовнішня політика стала доктринованою. Фактично єдиною перешкодою для її реалізації може стати те, що навколишній світ зміниться швидше, ніж вона буде втілена у життя.

Внутрішня стратегічна визначеність

Вступ до НАТО та ЄС у всіх стратегічних нормативно-правових документах визначені у якості основної мети зовнішньополітичної діяльності держави.

Зокрема, діюча редакція Закону України про Засади внутрішньої та зовнішньої політики в якості основного пріоритету зовнішньої політики держави визначає поглиблення співпраці з Організацією Північноатлантичного договору з метою набуття членства у цій організації (Ст.11. ч.2. абзац 8). А також забезпечення інтеграції України в європейський політичний, економічний, правовий простір з метою набуття членства в Європейському Союзі (Ст.11. ч.2. абзац 12).

Ці ж стратегічні настанови містить оновлена в останні п'ять років Стратегія національної безпеки України. У переліку основних напрямів державної політики національної безпеки України (Розділ 4) співпраці з Європейським Союзом та НАТО

виділено окремий пункт (п.4.6. та п.4.7.) відповідно. В обох випадках основним пріоритетом визначається вступ до цих об'єднань у майбутньому.

Цілком закономірно, наміри інтеграції з ЄС та НАТО відображені також в Законі про Основи національної безпеки України та у Воєнній доктрині України. В обидва документи протягом 2014-2017 років внесені відповідні корективи.

Вірогідно вже у лютому-березні, на найближчій парламентській сесії, повноправне членство у НАТО та ЄС будуть також закріплені на рівні Конституції України. При цьому обов'язок дотримання цього зовнішньополітичного курсу та забезпечення його практичної реалізації буде покладено на Президента України.

Зовнішньополітичні орієнтації населення, також здебільшого свідчать про підтримку євро-атлантичного зовнішньополітичного та безпекового курсу. Про це, зокрема, свідчать нещодавні соціологічні опитування, різних соціологічних служб.

Так, за даними групи «Рейтинг», яка проводила опитування у листопаді-грудні минулого року¹, 54% респондентів підтримують вступ України до Європейського Союзу (25% - не підтримують).

Серед різних напрямів зовнішньоекономічної інтеграції також лідирує проєвропейський вектор – 48%. Рівновіддаленість України від РФ та Заходу підтримують 30%, вступ України до Митного Союзу – лише кожен десятий. Інтеграцію України в НАТО підтримують 44% (33% – не підтримують). Прихильників прозахідного вектору більше на Заході, найменше на Одещині та Донбасі.

---

¹http://ratinggroup.ua/ru/research/ukraine/portrety_regionov_itogi_svodnye_dannye_sravnitelnyy_analiz_mezhd_u_oblastyami.html

Згідно з оцінками Українського центру економічних та політичних досліджень ім. О.Разумкова² більшість громадян України підтримують вступ України до ЄС. Зокрема, Майже 75% опитаних готові взяти участь у референдумі стосовно вступу України до ЄС, якби він відбувся найближчим часом, 14% – не мають такого наміру, а ще 11% – не визначились. За вступ України до ЄС готові проголосувати 51% усіх опитаних та 66% – серед тих, хто висловив намір взяти участь у референдумі.

Вступ України до НАТО підтримує відносна більшість громадян. У референдумі щодо вступу України до НАТО, якби він відбувався найближчим часом, висловили намір взяти участь 72% опитаних. 16% не мають такого наміру, а ще 12% – не визначились. За вступ України до НАТО готові проголосувати 41% усіх опитаних та 66% – тих, хто висловив намір голосувати.

Порівняно із минулими роками кількість прибічників вступу України до політико-економічних або військово-політичних об'єднань за участі Російської Федерації істотно скоротилася. Лише близько 10% відсотків українських громадян вважає можливим, зокрема, участь України у ЄврАзЕС. Це виглядає цілком закономірно на тлі серйозного і довготривалого конфлікту в україно-російських відносинах.

Згідно з результатами обох опитувань відносно велика група українських громадян або не визначалась, з вибором, а бо вважає доцільним утриматись від участі в інтеграційних об'єднаннях. Група «самостійників» за останні роки дещо зросла, приблизно до 30-35% населення, здебільшого за рахунок розчарованих у можливості та доцільності входження у союзницькі відносини із Російською Федерацією. Проте, беручи до уваги готовність брати участь у референдумі з

---

² Національна безпека і оборона №3-4 2018 рік http://razumkov.org.ua/uploads/journal/ukr/NSD175-176_2018_ukr.pdf

зовнішньополітичних питань, їх громадянська активність не дуже висока.

Настрої політичної еліти, в першу чергу, тих політиків, що збираються брати участь у президентських перегонах навесні 2019 року є дзеркальним відображенням ситуації у суспільстві. Переважна більшість кандидатів у президенти, орієнтуючись на настрої українських громадян визначають інтеграцію в НАТО та ЄС пріоритетними напрямками своєї роботи на цій посаді. Такий пріоритет закріплений у програмах кандидатів або неодноразово згаданий у програмних виступах Ю.Тимошенко, П.Порошенка, А.Гриценка. Різниця здебільшого полягає у строках та порядку інтеграції. Навіть програма В.Зеленського, в якому більшість експертів бачать найбільш егалітарного, контр-системного кандидата, містить позицію про рух України до НАТО, проте із згадкою про необхідність проведення відповідного референдуму.

З тих кандидатів, які на даний час мають помітні електоральні рейтинги, тільки у програмах Ю.Бойко та Є.Мураєва визначені альтернативні стратегічні орієнтири та підходи до реалізації зовнішньополітичного курсу України. Зокрема, Ю.Бойко визначає своїм пріоритетом реальний нейтралітет та позаблоковість України. У програмі Є.Мураєва йдеться про повернення Україні нейтрального, позаблокового статусу та закріплення цього рішення на всеукраїнському референдумі.

Таким чином, можливо вперше за роки незалежності, Україна підходить до виборів Президента без напружених та гострих дискусій стосовно стратегічного вектору інтеграції. Державний зовнішньополітичний курс окреслений в усіх базових нормативно-правових документах. Український політикум майже одностайно визначився у своїх пріоритетах, а населення, здається, більше стурбовано своїм поточним соціально-економічним становищем (підвищенням тарифів, низькими доходами та високими цінами) ніж геополітичними питаннями. Єдиною відчутною але здебільшого ігнорованою проблемою залишається те, що втілення стратегічних настанов залежить не

тільки від України, але і від стратегічної політичної та безпекової ситуацій на континенті, які помітно змінюються.

Зовнішня непевність

На відміну від політичного консенсусу, як зараз можна охарактеризувати ситуацію в Україні, в європейській політиці та євро-атлантичних стосунках володарює непевність. Все більш відчутною стає різниця у поглядах на майбутнє між країнами-союзницями по НАТО та ЄС, і водночас, посилення політичних дискусій всередині цих країн між «оптимістами» та «скептиками» подальшого їх зближення.

Ускладнення архітектури європейської безпеки.

Передусім, мова йде про дії європейських країн у напрямку створення власного, без участі атлантичного компоненту, безпекового механізму. За останні роки в цьому напрямі було здійснено декілька реальних кроків.

Потужним політичним посилом можна вважати резолюцію Європейського парламенту, прийняту 16 лютого 2017 за ініціативи экс-прем'єр-міністра Нідерландів Гі Верхофстадта, щодо можливих змін та коректив інституційної структури Європейського Союзу. Ця резолюція передбачає, зокрема, і рух до повноцінного Європейського оборонного Союзу³.

У практичній площині, в грудні 2017 року на саміті ЄС в Брюсселі було офіційно запущено механізм Постійного структурного співробітництва у сфері безпеки та оборони (PESCO). Одне з головних завдань цього механізму — поступова інтеграція країн-членів у сфері оборони.⁴ В тому числі за рахунок уніфікації систем озброєнь, що має підвищити оперативну сумісність та конкурентоздатність європейської

---

³ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&language=EN&reference=P8-TA-2017-0048>

⁴ [https://eeas.europa.eu/generic-warning-system-taxonomy/404_ru/34347/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20\(PESCO\)%20%E2%80%93%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B](https://eeas.europa.eu/generic-warning-system-taxonomy/404_ru/34347/%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D1%82%D1%80%D1%83%D0%BA%D1%82%D1%83%D1%80%D0%B8%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE%20(PESCO)%20%E2%80%93%20%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B)

оборонної промисловості. Як бачиться, саме створення інтегрованого оборонно-промислового комплексу стане ключовим завданням об'єднання на першому етапі. Саме через цей механізм будуть розподілятися зростаючі видатки країн ЄС на оборону.

Як передбачається, в рамках PESCO будуть розроблятися спільні проекти розвитку оборонного потенціалу, на які буде виділятися фінансування з Європейського оборонного фонду (EDF). Очікується, що новий механізм дозволить підвищити стратегічну незалежність ЄС, щоб за необхідності діяти самостійно. На даний час свою участь у цьому об'єднанні вже підтвердили 25 з 28 країн-членів.

У наступному 2018 році, 10 європейських країн зробили ще один крок на шляху до безпекової «емансипації». У червні 2018 дев'ять країн ЄС (Бельгія, Великобританія, Данія, Естонія, Іспанія, Нідерланди, Німеччина, Португалія та Франція) підписали протокол про наміри про створення європейських сил швидкого реагування European Intervention Initiative (EI2). У листопаді до нового проекту приєдналась Фінляндія. Основна мета нового проекту — створення об'єданого військового контингенту європейських країн для швидкого втручання у кризові ситуації у безпосередній близькості від кордонів Європейського Союзу.

Як і у випадку зі створення PESCO, передбачається що сили EI2 будуть діяти в координації та тісній взаємодії із НАТО, як це передбачає стаття 42 Договору про Європейський Союз в редакції від грудня 2007 року (Лісабонська угода)⁵. Проте, гучна заява Президента Франції Е.Макрона напередодні зустрічі Міністрів оборони країн EI2 свідчить про дещо інші наміри ініціаторів⁶. Що в цілому підтверджує доволі різка реакція на тези Е.Макрона і цю ініціативу загалом зі сторони адміністрації США.

---

⁵ <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012M%2FTXT>

⁶ <https://www.eurointegration.com.ua/rus/news/2018/11/6/7089040/>

Рух європейських країн у бік більшої координації в сфері оборонної політики найбільш виразно проявляється у відносинах між країнами-лідерами ЄС Німеччиною та Францією. Якщо і коли ідеї нової системи колективної безпеки ЄС будуть народжуватись, то їх можна очікувати, в першу чергу, від цього тандему.

Наприкінці січня 2019 року Канцлер Німеччини А.Меркель та Президент Франції Е.Макрон підписали нову угоду про двостороннє співробітництво, яка має стати доповненням до Єлисейської Угоди 1963 року. Містом підписання було обрано невелике німецьке місто Ахен, яке колись слугувало резиденцією першому імператору Священної римської імперії Карлу Великому.

Хоча в тексті нової Угоди ідеї руху до спільної армії відображення не знайшли, проте сторони домовились про започаткування двосторонньої Ради безпеки і оборони як політичного органу, що буде контролювати виконання взаємних обов'язків в оборонній сфері. Також було досягнуто домовленостей щодо розробки спільних правил експорту озброєнь.

Обережність з якою лідери європейських країн та європейські політики просувають тему «європейської армії» свідчить, що на даний час ще рано говорити про можливість та реалістичність створення власне європейської армії. Тим більше складно прогнозувати наскільки співставною та співмірною буде нова структура до Північноатлантичного Альянсу.

Цілком очевидно інше — архітектура системи європейської безпеки, до якої прагне долучитись Україна, стає більш строкатою та багаторівневою. В період «перебудови» готовність до інтеграції нових членів буде обмеженою. Вже у найближчі п'ять років Україні, вірогідно, доведеться пристосовуватись до цих змін і визначатися у своєму ставленні до суто європейських безпекових інститутів.

ЄС – чергові випробування на єдність. Проблеми безпеки та оборонного співробітництва були важливим, але все ж не вирішальним питанням у порядку денному зустрічі Макрона та Меркель. Ключовими напрямками взаємодії має стати подальша інтеграція економік обох країн з метою створення франко-німецької економічної зони із загальними правилами функціонування. А також створення спільних економічної та фінансової рад для подальшої гармонізації законодавств та координації економічної і податкової політики. У перспективі країни намітили активізацію співробітництва у галузі наукових досліджень, цифрових технологій, штучного інтелекту та інновацій.

Привертає увагу те, що цей крок до зближення французький та німецький лідери зробили на тлі ускладнення ситуації у самому Європейському Союзі. Питання отримання Маастрихтських критеріїв бюджетного дефіциту, проблеми біженців та зміни у національному законодавстві, що часто суперечать європейським нормам — весь цей спектр проблем став вже рутинним у спорах Брюсселю із національними урядами. Дотримуватись єдиних підходів до соціальної, економічної, інституційної політики всередині ЄС стає все більш проблематично.

Водночас у національній політиці країн ЄС набирають силу течії та рухи, які загалом можна вважати «євро-песимістами». Напередодні виборів до європейського парламенту анти-емігрантські та правопопулістичні партії різних країн ЄС прагнуть до координації політичних дій та формування спільного блоку для участі в виборах, що відбудуться наприкінці травня у всіх країнах ЄС. На даний час до «правого Альянсу» входять французьке «Національне об'єднання» (до червня 2018 «Національний Фронт»), італійська партія «Ліга», Австрійська партія свободи, а також Партія Свободи з Нідерландів на чолі з Гертом Вілдерсом. Учасники коаліції прагнуть наростити кількість партій, залучивши до об'єднання

угорську правлячу «Фідес» та польську «Порядок і справедливість».

Якщо правим вдасться втілити свої наміри у життя та дійти до травневих виборів великим конгломератом їх позиції у Європейському парламенті можуть істотно укріпитися. Натомість позиції Європейської народної партії та соціалістів - ослабнути. Це спровокує високу непевність не тільки щодо складу та функціональності Європейської комісії, але і щодо здатності нового європейського парламенту працювати у напрямку поглиблення інтеграції та залучення нових членів.

За таких умов основна активність у напрямку подальшого економічного та політичного зближення європейських країн може спуститися на рівень двосторонніх відносин та домовленостей з обмеженою кількістю учасників. Вірогідність такого розвитку подій якраз і доводить нещодавня франко-німецька зустріч. За песимістичного розвитку подій ЄС природнім чином трансформується у Європу «різних союзів та різних швидкостей». Як будуть вибудовуватись відносини України з ЄС у його майбутній конфігурації – питання відкрите.

Бар'єри для інтеграції: неподолані або нездоланні? На тлі внутрішнього консенсусу щодо вектору інтеграції, в Україні дуже часто поза увагою залишаються існуючі й досі не подолані політичні бар'єри для інтеграції.

У випадку набуття членства в НАТО такі бар'єри – це, передусім, війна, що точиться на Донбасі та суперечливий поточний статус Автономної Республіки Крим.

У статутних документах Північноатлантичного Альянсу дійсно не має зауважень щодо критеріїв набуття членства. Проте, такі вимоги вписані у Дослідженні щодо розширення НАТО від вересня 1995 року, яке вважається базовим документом, що визначає політику НАТО у галузі розширення. Зокрема, п.6 Дослідження вимагає від країни-кандидата на членство вирішення внутрішніх конфліктів, іредентистські претензії

вирішувати виключно у мирний спосіб, у відповідності із принципами ОБСЄ⁷.

Вочевидь, шлях до Брюсселю для України пролягає сьогодні через Донецьк та Сімферополь. Яким чином обраний президентом політик буде, якщо продовжить курс на інтеграцію до НАТО, вирішувати цю проблему — здебільшого залишається відкритим питанням.

Наразі існує і політичний запобіжник для трансформації нинішньої Асоціації України з ЄС у щось істотніше. Як відомо, за наполяганням уряду Нідерландів 15 грудня 2016 року Європейська Рада затвердила «Висновки» щодо Угоди про Асоціацію Україна – ЄС. В документі зокрема йдеться про те, що Угода про асоціацію не надає Україні статусу кандидата на вступ до ЄС, а також не створює зобов'язань про присвоєння такого статусу Україні у майбутньому.⁸

На даний час це є діючою політичною формулою, що описує статус взаємин. Для її зміни потрібен час й істотні дипломатичні зусилля. З огляду на поточний стан самого Європейського Союзу завдання видається досить складним, оскільки навіть ініціативи щодо секторального зближення наразі підтримки не мають. Зокрема, мова йде про спроби України добитися входження до «шенгенської зони», намагання приєднатися до митного та енергетичного союзів. Ці ініціативи були висунуті Президентом України П.Порошенком ще у 2017 році, але за цей час не отримали визнання та розвитку з боку європейських партнерів.

Ще питання «без відповіді». З програм та програмових виступів більшості кандидатів досить складно визначити як на тлі євро-атлантичних устремлінь будуть вибудовуватись відносини з Російською Федерацією.

---

⁷ https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24733.htm

⁸ <https://www.consilium.europa.eu/media/24151/15-euco-conclusions-ukraine.pdf>

Поряд з проблемами Криму та Донбасу вже виникла гостра конфліктна ситуація у Керченській протоці та ширше в акваторії Азовського та Чорного морів. Накопичуються проблеми по лінії консульських відносин та правового статусу громадян. За відсутності договірно-правової бази та нинішніх підходів не виключена подальша деградація стосунків і формування нових вогнищ політичних, економічних та, навіть, збройних конфліктів.⁹

Цілком вірогідно, що українська зовнішня політика у найближчому майбутньому зіткнеться з парадоксом. Можна припустити, що на тлі подальших євро-атлантичних зусиль України мотивація РФ до швидкого пошуку політичних формул врегулювання проблем у взаєминах між державами буде знижуватись. У свою чергу, це буде створювати істотні проблеми для реалізації Україною заявленого курсу. Водночас, високі та постійно зростаючі ризики будуть «відлякувати» інвестиції та прискорювати втрату Україною геостратегічного значення. Зростуть ризики запуску Північного потоку-2, побудови обхідних залізничних та автошляхових транзитних маршрутів.

***

Наразі, не дивлячись на глибинну доктринованість та консенсус всередині українського політичного класу навколо вектору зовнішньополітичних зусиль, зовнішньополітичний курс країни виглядає досить умоглядним та позбавленим практичного наповнення. Вочевидь, після виборчого циклу 2019 року слід очікувати, а може й сподіватися, на певні корективи у зовнішньополітичному позиціонуванні та перехід від декларування цінностей і принципів до вирішення поточних проблем і адаптації до мінливого навколишнього світу. Доля «реактивності» проактивній українській дипломатії сьогодні б не завадила.

---

⁹ у грудні 2018 було припинено дію Договору про дружбу, співробітництво і партнерство між Україною і Російською Федерацією

От «безопасных выборов» к выбору «безопасного развития».

«От каждого нового Президента украинцы ждут чуда, небезосновательно считая, что ситуацию в стране способно изменить лишь чудо»¹.

Рост социальных ожиданий, связанных с достижением устойчивого и справедливого мира и с восстановлением территориальной целостности Украины, задают тон президентской кампании 2019 года. Судя по представленным программам, кандидаты апеллируют к эмоциям избирателей и пытаются минимизировать количество содержательных трактовок рисков и проблем, с которыми сталкивается в своем развитии Украина. И все же, есть смысл попытаться вернуть рациональное начало в дебаты вокруг повестки предстоящих президентских выборов.

1. Возможна ли безопасная «перезагрузка» политической системы в Украине?

Выдвижение кандидатов в президенты, продемонстрировало недовольство в среде украинских элит действующей политической моделью (парламентско-президентская модель). Диапазон заявленных предложений широк и противоречив – от предложения по упразднению поста Президента (Ю.Тимошенко) и перехода к «канцлерской модели» политической организации страны до обещания добиться концентрации полномочий в руках Президента (О.Ляшко) и отказа от парламентской модели.

У стороннего наблюдателя, неволько возникает ощущение того, что кандидаты рассматривают президентские выборы в качестве промежуточной точки борьбы за власть. По сути, они **декларируют готовность ввергнуть общество и страну в дебаты связанные с переписыванием действующей**

Конституции. Своевременность такого шага в условиях неурегулированного конфликта на Востоке, атомизации общества и дезориентации политических элит – вопрос дискуссионный. Сегодня никто не сможет гарантировать обеспечение безопасности и сохранения стабильности в Украине при форсированной «перетряске» политической системы страны.

В то же время, уже сейчас можно спрогнозировать среднесрочные политические последствия такого шага:

- во-первых, стремление запустить очередной политической спектакль, свидетельствует о неуверенности и неготовности большинства кандидатов приступить после президентских выборов к решению ключевой проблемы украинской власти – повышению уровня доверия между обществом и властью.
- во-вторых, очевидно, что вместо «перезагрузки» олигархической модели власти в Украине, обществу предлагается ограничиться «радикальным» изменением дизайна действующей политической модели.
- в-третьих, педалирование вопроса о «перезагрузке» политической модели, автоматически делает его ключевым для повестки дня будущих парламентских выборов. Иными словами, политикам Украины, как и плохим танцорам, всегда что-то мешает.

В конечном счете, когда кандидаты предлагают обществу сыграть с властью в «конституционные наперстки», они тем самым обесценивают значение своих политических программ, поскольку демонстрируют готовность отложить исполнение конкретных предвыборных обещаний на неопределенный срок.

2. Устойчивая и сбалансированная, т.е. безопасная децентрализация.

Начало президентско-парламентского выборного цикла **поставило на паузу реформу системы государственного управления региональным развитием и комплексную реформу самоуправления в Украине**, которую почему-то

сузили до понятия децентрализации. Программы кандидатов свидетельствуют об их понимании того, что прежняя модель обеспечения баланса между центробежными и центростремительными процессами потеряла свою эффективность, а значит, нужна новая региональная политика и продолжение реформы самоуправления. В то же время, вместо поиска украинской формулы регионализма, большинство кандидатов продолжают строить теневые договоренности и «окучивать» свои электоральные вотчины.

С одной стороны, это свидетельствует о возросшей роли регионов в политическом переустройстве страны, с другой стороны, заигрывание с региональными элитами ведет к искусственному раздуванию их политического самомнения и выдвижению претензий на передел полномочий между центром и регионами. В любом случае, выборы только ускоряют приближение Украины к «точке невозврата» в развитии процессов регионализации.

К сожалению, программы кандидатов не дают ответа на «сложные вопросы» о будущем украинских регионов и системы самоуправления. В частности, без ответов остаются вопросы:

- как, когда и каким образом будет завершен растянувшийся на пятилетку процесс формирования ОТГ? Дальнейшая заморозка «двоевластия» на уровне районов может превратиться в бомбу замедленного действия;
- как не допустить «перерождения» местного самоуправления в феодальные вотчины и добиться дальнейшей демократизации в работе местного самоуправления?
- есть ли шанс построить «децентрализованное самоуправление» как на местном, так и на региональном уровне за счет развития и оживления органов самоорганизации населения?
- как запустить программы **со-развития регионов**, которые бы стали альтернативой политике регионального эгоизма, строящегося на достижении текущих выгод для отдельных регионов за счет подрыва общенациональных интересов в

области экономической, социальной и военно-стратегической безопасности?

- какой будет новая модель административно-территориального устройства Украины?;
- когда правительство начнет думать о создании предпосылок для развития регионального самоуправления в Украине?
- возможно ли добиться экономической устойчивости и самодостаточности регионов без использования «эффекта масштаба» за счет создания функциональных макрорегионов в Украине?

3. «Безопасная реинтеграция»

Большинство кандидатов путают ампула пацифиста и ответственного политика, способного добиться политических решений, ведущих к прекращению вооруженного конфликта на Востоке Украины, восстановлению мира и реинтеграции освобожденных и неподконтрольных на сегодня Украине территорий. В реальности, **Украина нуждается** не в потоке псевдопатриотической пропаганды и не в популистских декларациях о скором мире, а в формировании **последовательной политики социальной сплоченности и реинтеграции страны.**

Во-первых, общество ожидает, что соискатели «президентской булавы» предложат понятные шаги, направленные на выполнение международных обязательств Украины, которые касаются организации **структурированного и многоуровневого Диалога о национальном единстве и реинтеграции страны.**

Во-вторых, повторяя мантру о национальном единстве, кандидаты не утруждают себя усилиями по раскрытию целей и содержания политики социальной сплоченности. В частности, никто не удосужился сказать, что Украина нуждается прежде всего в «безопасной реинтеграции», в консолидации и институализации политики социальной сплоченности.

Следует назвать первоочередные шаги, которые могут найти позитивный отклик как в обществе, так и в экспертной среде:

- Признание на высшем политическом уровне, необходимости ликвидации дефицита политических инвестиций в политику социальной сплоченности и национального единства;
- Преодоление концептуального вакуума, разработка и принятие Концепции политики социальной сплоченности и реинтеграции Украины, которая призвана консолидировать и интегрировать государственную политику по обеспечению общенационального диалога по вопросам национального единства, социальной сплоченности и развития мира в Украине;
- Запуск процедуры Национального мониторинга действий органов государственной власти по реализации политики национального единства, социальной сплоченности и «безопасной реинтеграции»;
- Преодоление институционального дефицита в сфере политики социальной сплоченности и реинтеграции Украины путем создания Национальной платформы по вопросам национального единства и социальной сплоченности под политическим патронатом Президента, правительства или Верховной Рады Украины;
- Введение политической и административной ответственности за «преступную бездеятельность» в реализации даже тех несовершенных программ, которые касаются социальной сплоченности в Украине и построения мира на подконтрольных территориях на востоке.

4. Безопасное развитие

Ключевой дилеммой при политическом позиционировании кандидатов является противоречие между задачами по обеспечению безопасности и задачами, по созданию предпосылок для сбалансированного развития. Большинство кандидатов в своих предвыборных программах отдают

предпочтение или вопросам безопасности или вопросам развития. Некоторые, к сожалению, даже умудряются противопоставлять эти жизненно важные приоритеты друг другу. И все же, именно идея безопасного развития, отвечает «духу времени» и историческому моменту, который переживает Украина.

Если попытаться дать короткое определение, то «безопасное развитие» – это тип государственной стратегии, которая опирается на принцип обеспечения «национальной стойкости» и механизмы трансформации кризиса в инструмент развития, в стимул для общенациональной мобилизации и непрерывных трансформаций общественных и социальных институтов.

В связи со сказанным, целесообразно сфокусировать внимание на трех аспектах, которые имеют ключевое значение для формирования политики «безопасного развития»:

- **Модернизация национальной экономики и создание национальной инфраструктуры Индустрии 4.0.**

Украина, заявляя о своем европейском цивилизационном выборе, не может игнорировать тот факт, что большинство европейских стран имеет свои национальные программы промышленной модернизации, поддерживаемые государством и структурными фондами ЕС. Очевидно, что европейский цивилизационный выбор Украины не может сводиться к бюрократическим отчетам о выполнении годовых планов реализации Соглашения о политической ассоциации между Украиной и ЕС. ***Экономическим измерением европейского цивилизационный выбора Украины*** должна стать готовность правительства проводить экономический курс, ориентированный на «вписывание» Украины в ***новую технологическую революцию, в так называемую Четвертую Промышленную Революцию.***

Это сложная стратегическая задача, которая не сводится ни к ностальгии по индустриальному величию времен УССР, ни к искусственному раздуванию IT сектора, который работает сам

на себя. Без решения указанной задачи, Украина рискует безвозвратно потерять остатки промышленности и индустриальной инфраструктуры, инженерно-технической базы и научно-технологического потенциала.

В этом контексте, любые предвыборные дебаты о **модернизации национальной экономики должны требовать от государства принятия национальной программы Индустрия 4.0.** В противном, случае, параллельные прямые, по которым движется развитие Украины и стран ЕС, будут лишены шансов на пересечение даже в отдаленном будущем.

- **Управленческие инновации и открытость к социальным изменениям – условие для успешной технологической модернизации.**

От подавляющей части программ кандидатов веет «книжной ученостью», и отсутствием понимания социальной и политической составляющей декларируемых реформаторских планов и стратегий. Многие кандидаты так и не поняли, что эпоха, в которой доктрина национального развития страны базировались на идее «догоняющего развития» давно осталась в прошлом.

Политика «реформ сверху», ключевой инструмент стратегии догоняющего развития, который использовался на протяжении всех лет независимости, на сегодня не отвечает задачам времени и больше не работает на обеспечение формирования и расширения социальной базы преобразований в эпоху быстрых изменений и непрерывных социальных трансформаций.

Напротив, успешно развивающиеся страны осознали и приняли для себя одну простую истину – «в неинновационном обществе не может быть инновационной экономики». Успешная реализация любых программ технологической модернизации невозможна без **создания соответствующих политических предпосылок, без смены управленческой модели и без инноваций в сфере менеджмента, без создания в социуме**

устойчивой мотивации к саморазвитию и самообновлению.

Политические и экономические программы кандидатов, которые делают ставку исключительно на технократические реформы, просвещенный авторитаризм и иерархическую систему принятия решений, имеют ограниченные шансы на реализацию в Украине. Такие программы не способны справиться ни с проблемой кадрового дефицита, ни с проблемой консолидации общества и элит, ни с проблемой массового саботажа исполнителями и обществом «кабинетных решений».

- **Введение моратория на экономические практики выживания за счет будущих поколений;**

Прежде всего, необходимо положить конец преступной бездеятельности по отношению к экономическим практикам, которые ведут к подрыву не только экономики, но и жизнеспособности страны. Сегодня, организаторы мародерской и «трофейной экономики», которая паразитировала на индустриальном наследии УССР, переживают системный кризис и не имеет шансов воспроизвести прежнюю ресурсно-ориентированную модель восстановительного роста. В то же время, сторонники ресурсной экономики судорожно ищут новую «кормовую базу», не только на общенациональном, но, прежде всего, на региональном уровне. Незаконная добыча янтаря, «приватизация» отдельных кусочков таможенной границы, незаконная вырубка и экспорт леса, добыча полезных ископаемых с грубейшим нарушением не только законов, но и Конституции страны – это далеко не полный перечень свидетельств того, что государство потеряло контроль над развитием ситуации в стране.

Восстановление управляемости со стороны государства над использованием природных ресурсов и пресечение всех видов незаконного ресурсо- и землепользования в Украине – это предпосылка для перезапуска продуктивной экономической модели. **Введение**

моратория на экономические практики выживания за счет будущих поколений – это не столько моральный императив, сколько условие для перезапуска и модернизации национальной экономики.

5. Внешнеполитическая безопасность

Кто бы не стал победителем в президентской гонке, для Украины важно сохранение приемственности в политике по обеспечению международной поддержки Украины на ключевых переговорных площадках и в международных организациях (ООН, ОБСЕ, ПАСЕ, Еврокомиссия). В то же время, Украина должна отказаться от «торговли статусом жертвы». На повестке дня, выработка и продвижение Украиной собственной проактивной политики способной увязать переговоры о решении конфликта на Донбассе с консультациями о путях «перезагрузки» европейской системы безопасности.

- **Интернационализация повестки дня по вопросам безопасности - украинский ответ на интернационализацию конфликта на Донбассе.**

Ключевая проблема и риск, которые не замечают украинские кандидаты – это вынесение вопроса об урегулировании конфликта на Донбассе за рамки общеевропейских дебатов о будущем системы безопасности на континенте. Окупация Крыма и конфликт на Донбассе уже давно переросли статус локального вооруженного инцидента. «Украинская повестка» не имеет своего разрешения если она будет рассматриваться изолированно и вне контекста нового военно-стратегического расклада сил на европейском континенте.

Внимания заслуживают программы тех кандидатов, которые признают необходимость:

- инициации и поиска Международного формата, способного предотвратить сценарий «замороженного конфликта» на Донбассе. Стратегическая задача для Украины это не только обеспечение разрешения конфликта на Донбассе, но и **восстановление Украиной статуса донора**

региональной безопасности на Европейском и Евро-Азиатском континенте;

- позиционировать Украину в качестве креатора **Стратегической инициативы**, направленной на перезагрузку системы европейской безопасности через создание и расширение **безъядерной зоны в регионе центральной и восточной Европы**;
- выдвижения Украиной инициативы о проведении международной конференции по вопросу урегулирования вооруженного конфликта на Донбассе и перспективам «перезапуска» европейской системы безопасности;

Наконец, в попытках добиться внимания и взаимности со стороны больших геостратегических игроков, Украина явно недооценивает риски, возникающие по периметру наших границ. Сегодня задача по **формированию безопасного внешнеполитического периметра** - это не вопрос обеспечения психологического комфорта в коммуникациях с нашими непосредственными странами соседями, это вопрос безопасности.

Расколотое Зазеркалье

Одним из фундаментальных процессов жизни современного общества является медиатизация – создание общих для образующих общество людей представлений и знаний о нем. Мы никогда не видим общества непосредственно и процессы медиатизации формируют множество различных (но при этом общих для разных групп) видений общественных явлений и процессов. Это создаёт иллюзию того, что создаваемые общие представления о обществе и есть сами общественные процессы. Медиатизация также формирует способы оценки общественной реальности, влияя на мотивы политического поведения больших групп людей. В Украине утвердилось понимание медиатизации исключительно как процесса, происходящего в средствах массовой информации и социальных сетях, возникших в Интернете. Но жизнь общества глубже и содержательней, чем то, что отражается в зеркале публичных медиа. Задача медиа – быть посредником между людьми в осознании их общих проблем с целью их практического решения. Чем глубже расхождение между повесткой публичной коммуникации и проблемами, которыми живут люди, тем меньше влияние общества и медиа друг на друга. Но медиатизация все же происходит – просто другими путями, через общение вне средств массовой информации.

К началу избирательной кампании-2019 расхождение повесток медиа и общества в Украине достигло одного из своих апогеев. Политические медиа отражают общественную поддержку процессов, от участия в которых пытаются уклоняться люди, живущие в стране. На фоне демонстрации постоянных успехов в области внешней политики, обороны, реформ и строительства церкви, демонстрации патриотического подъема и поддержки действующей власти, социологические исследования показывают минимальные рейтинги играющих ведущие роли политических институтов,

партий и политиков, миллионы людей покидают страну, молодёжь массово уклоняется от службы в армии.

В силу множества причин украинский политикум и связанная с ним среда медиа-деятелей воспринимает термин «воображаемые сообщества» слишком буквально. В медиа-сфере утвердилась иллюзия не связанности повседневного жизненного пространства людей и процессов, происходящих в политических медиа - в результате последние демонстрируют события в собственном Зазеркалье. Украинскому избирателю достаточно сложно выстроить собственное отношение к тому, что он видит в зеркале медиа, поэтому в формате политических шоу ему показывают его собственную реакцию на события. Медиа-пространство замкнуто в себе, оно имитирует полный цикл политической коммуникации. События вне медиа могут попадать в фокус внимания лишь в том случае, если они являются материалом для наполнения циркулирующих в нем образов происходящего либо носят вопиющий характер. Медиа интересуются жизнью людей исходя из своих, собственных, интересов и транслируют людям лишь собственные образы происходящего. Несмотря на это, по данным социологии участие в предстоящих выборах должно быть высоким, люди мотивированы на политическое участие. Рассмотрим некоторые особенности медиа-пространства, в котором формируются эти мотивы.

Использование в медиа симулякров, утративших потенциал мотивации политического действия.

Политические процессы, формирующие власть, легитимируются путём создания соответствующих коллективных представлений, симулякров, - политических утопий, призванных создавать ощущение причастности управляемых к определению процессов управления. Коммуникация в ходе каждой избирательной кампании опирается на созданные ранее симулякры и создаёт новые. Пространство этих симулякров образует зеркало, в которое смотрят люди, воспринимая общественные процессы. В этом зазеркалье конструируются обобщенные представления о

процессах, происходящих со страной и людьми, которые затем воспринимаются индивидуальным сознанием.

В Украине симулякрами массового сознания выступают такие конструкты, как «демократический транзит», «справедливое рыночное общество», «социально ответственный капитал», «национальная идея», «евроинтеграция», «деолирхизация», «достоинство», «честные выборы» и т.п. На протяжении длительного времени с начала периода Независимости они составляли корпус мотивирующих ценностей политического участия. Существовая в сознании вступающих в политические отношения людей, они никогда не реализовывались в том виде, как это представлялось на уровне их содержательного, понятийного наполнения. Это создавало новые политические потенциалы. Всегда существовал разрыв между тем, что должно было происходить в политической сфере с точки зрения господствующих представлений о ней и тем, с чем сталкивались граждане в практике общественной жизни. Будучи носителями таких представлений, люди привычно участвовали в имитациях, приносящих им ощутимые (в том числе денежные) результаты и принимали это как норму политической жизни. Поэтому двойные стандарты в политике никогда не были чем-то из ряда вон выходящим и воспринимались, скорее как норма, чем как исключение.

Спецификой избирательной кампании 2019г. стало то, что эта прежняя норма становится невыполнимой - исторический период демократического транзита завершен и его атрибуты демонтированы за предыдущие пять лет реформ. Зеркало, в которое смотрелось общество, распалось на множество фрагментов. Новые атрибуты политической спектаклизации еще не выработаны и коммуникация ведётся в языке исчерпавших себя политических симулякров, далеких от проблем, которыми живут избиратели или которые им близки в силу их представлений о жизни. Язык политики окончательно превратился в язык политиков как социальной группы, особого сословия со своими интересами и ресурсами влияния. С другой стороны, и жизненные миры людей утратили политический язык, новый же за пять «революционных лет» внедрен в

публичное пространство, но в повседневности не прижился, поскольку не соответствует жизненным нуждам людей – «улица корчится безъязыкая». Политикум и общество за пять лет утратили коммуникацию – в этом состоит медийная проблема предстоящих президентских и депутатских выборов. У них разные видения и разные повестки деятельности. Спектаклизация политического процесса в этих условиях происходит по правилам «театра абсурда», где в качестве нормы принимается, что действия политических фигур не имеют отношения к тому, какие тексты они генерируют в публичном пространстве.

У каждого из политических игроков образовалась собственная аудитория поддержки, которая приветствует различие слова и дела собственного кандидата, поскольку воспринимает коммуникации своего патрона как элементы «военной хитрости», преследующей цели, которые недопустимо открыто провозглашать. Эти группы представляют собой своеобразные харизматические секты, закрытые для любых рациональных аргументов и объединенные на страхе потерять своего лидера в окружении недоступных к коммуникации враждебных «других». Так находит структурное выражение отсутствие базового доверия в обществе.

Базовые, структурообразующие политические симулякры «политического равенства», «национального единства», «демократических реформ», «европейской интеграции» утратили свою действенность в отношении политического сознания и поведения масс. Эти концепты в течение 2014-18г получили реальное практическое воплощение в виде проводимых реформ и перестали быть соблазнительными утопиями, мотивирующими политическое поведение масс в отношении власти. Реформы, о необходимости которых говорилось десятилетиями, произведены и дают свои плоды. Политика «евроинтеграции» реализована, новое поколение реформаторов пришло к власти, разрыв с Россией произведён. Заложены основы культурной революции с целью выстраивания новой гуманитарной политики, в центре которой ценности этнонационализма и нациеобразующая роль церкви.

Лозунги стали практикой, их следствия в полной мере реализуются в жизни миллионов людей и формируют их новое понимание вчерашних утопий – дела говорят громче слов. Данные социологических опросов на конец января 2019г. показывают, что свыше 80% украинских граждан считают, что Украина развивается в неправильном направлении. Раскол общества состоит уже в различиях прочтения ожидаемых действий политиков, а не в различиях предпочитаемых ими слов, поэтому убеждение в ходе кампании не будет эффективным инструментом.

Осуществлять сложившиеся и бытовавшие предыдущие десятилетия практики политического участия населения в политической жизни страны стало невозможно. Симулякры, которые использовались в предыдущих политических кампаниях и закрепились в практиках деятельности средств коммуникации, в головах политтехнологов, разрушены за предыдущие пять лет в массовом сознании, а устоявшихся новых попросту нет.

Предстоящая политическая кампания в известном смысле и представляет собой конституирование новой страны – в практиках избирательного процесса гражданам предстоит определиться относительно приятия или неприятия новых основ государственности, сформированных в 2013-18г. Возможности и направленность такого конституирования задаются факторами исторического масштаба, хотя и воспринимаются многими как пределы персональной искусности или политической воли действующих политиков. Основы этого нового государства выражены концептом «армия, язык, вера». В медиа этот выбор не описывается адекватно своему значению и социальному содержанию. Смысл выборов в медиа размыт и сводится к поиску фигуры, которая избавит от существующих проблем – войны, коррупции, бедности. То, что политики предлагают в качестве социальных утопий, не воспринимается таковым большинством населения, поэтому интрига политического выбора сводится к персоналиям, вынужденным выступать в роли харизматических носителей этических добродетелей – чести, справедливости, ума, особой

одарённости, политических связей, административного опыта и т.п.

В ходе предстоящей избирательной кампании украинскому политикуму предстоит иметь дело с политической энергией, не адекватной сформированным на её начало медиа-ресурсам. Возникшая за 2013-18г. политическая реальность не имеет собственного адекватного медиа-языка, закреплённого в процедурах массового общения. Политические процессы и явления уже длительный период описываются в виде неуправляемой какофонии головокружительных событий. Это создаёт запрос на переход к порядку. Но, не имея рационального концепта перехода к упорядоченному взаимодействию, этот запрос воспринимается как потребность в средствах политической коммуникации, основанных на процедурах различного рода принуждения. Лингвистическая непереносимость в медиа воспринимается не как проявление каких-то объективных процессов, а как искусственное состояние, от которого можно избавиться парой-тройкой законов или «решительными мерами» в отношении конкретных лиц и организаций. Соблазн соответствовать этому запросу будет разрушителен для политической системы, уже давно находящейся в кризисе упрощения. Эта угроза не воспринимается всерьёз генерацией политиков, действующих по принципу «если небо упадет на Землю, мы будем ловить жаворонков.»

Упадок медиа-институтов и фрагментация пространства политической коммуникации

Сложная, требующая организации постоянного диалога между разнокачественными и разноуровневыми участниками политической жизни Украина для эффективного управления (с целью развития) требует высокой культуры планирования и политической ответственности. Требует соответствующих этой сложности средств рефлексии и форматов коммуникации. Однако участники политической коммуникации из года в год пытаются использовать все более примитивные схемы и инструменты, подгонять страну под все более примитивные

представления о ней. Здесь как никогда актуальна мысль А.Энштейна о том, что самый главный кризис – это кризис некомпетентности.

Длительное время в медиа используются технологии представления политических отношений в форматах «шоу» и «политических сериалов» со все более короткими сюжетами скандального или угрожающего характера. Этот культурный код привел к тому, что значительная часть граждан воспринимает политику не как сферу организации своей жизни, а как длящийся «сериал», в отношении которого можно занимать только позицию зрителя. (Закономерно, что именно герой одного политического телесериала выступает одним из популярных кандидатов в Президенты.)

Деструктивные форматы коммуникации, язык ненависти и социальной дискриминации в медиа способствуют росту социального напряжения. Медиа-сообщество в значительной части инкорпорировалось во властные структуры и выступает проводником её позиций в описании политической реальности.

Вместо политической спектаклизации, вовлекающей разнообразные социальные группы в процесс совместной политической жизни, практикуется карнавализация – проводятся «политические литургии», всякого рода шоу, элементы политического цирка с демонстрацией «мускулатуры», умения фокусничать или просто запугивать избирателей. В таком формате политической коммуникации осознанный выбор будущего на основе продуктивного рационального диалога стал практически неосуществим. Избирателю демонстрируют его собственную растерянность и дезориентацию, его собственную склонность делать случайный выбор.

Вместе с тем трансляция информационных потоков в средствах коммуникации объективно формирует единую медиа-среду, транслирующую несколько образов общественного пространства страны. Роль медиа (объединяющего посредника) выполняют и другие процессы массового общения – у граждан представления о общем возникает в процедурах экономического, культурного, межличностного общения. Образ

политической реальности выстраивается не только из средств массовой коммуникации, о чем периодически напоминают данные социологических опросов населения. Политическое поведение, в том числе в избирательном процессе, формируется где-то между телевизором, холодильником, в магазине и в банке, в личных беседах и индивидуальных мечтаниях, при чтении книг и просмотре фильмов. Но в формате медиа образ мотивации избирателя предельно упрощен до основания «пирамиды Маслоу», с ним идет диалог на уровне удовлетворения его первичных потребностей. Жизнь многомиллионной страны представляется как сосредоточенная на трех-пяти неразрешимых проблемах. Неохваченные медиа жизненные процессы остаются на периферии, периодически попадают в фокус общественного внимания, но в виде крайностей – катастроф, личных трагедий или дичайших преступлений.

Медиа-институты переживают такой же упадок, как и все другие общественные институты. Образы страны, бытующие в разных сферах, довольно невняты и значительно отличаются - это составляет внутреннее противоречие самой медиа-среды. Созданные в предыдущем историческом периоде методы и приёмы формирования общего политического пространства, представления о допустимых ценностях и нормах общественной коммуникации, были исчерпаны в период «революционной пятилетки» 2013-18г. В ситуации разворачивающихся новых конфликтностей были отброшены прежние ценности и нормы организации процесса медиа-коммуникации - толерантность, концептуальное многообразие, право на личную позицию, невмешательство в дела церкви, недопустимость насилия и цензуры в отношении СМИ, и т.п.

В медиа-среде страны представление о политическом процессе как борьбе за демократию и ресурсы развития исчерпало себя – провозглашавшие эти лозунги политики продемонстрировали не соответствующие, а то и прямо противоположные им поведенческие практики. Открытое циничное невыполнение общественного долга, лично дававшихся обещаний, множество демагогических приемов –

все это обесценило слово политического деятеля, его не воспринимают и оно не действует. На место медиа-технологий соблазна и убеждения в политической коммуникации пришли технологии пропаганды, правового регулирования и прямого политического принуждения, опирающегося на угрозу экономического а то и физического насилия. Такие коммуникативные практики реализуются на основе поддержки практик ограничения свободы слова - как со стороны государственных чиновников, так и со стороны ориентированных на них общественных активистов. Средством политической коммуникации стали также церковные институции.

В отличие от предыдущих избирательных кампаний, отсутствует публичная медиа поддержка какой-либо из политических сил со стороны других государств и международных организаций, поддерживавших ранее фронт неправительственных гражданских организаций. Многие из ярких представителей экспертного сообщества НГО инкорпорировались в государственные структуры и выступают с позиций, поддерживающих практики сворачивания свободы в медиа.

Наряду с этим произошло существенное изменение социальных сетей - важнейшего медиа-института последних лет. Наиболее влиятельная в Украине сеть "Фейсбук" пережила пик своей влиятельности в 2013-18г. В начале 2019г. Фейсбук заявил о том, что вводит новую политику с целью не допустить внешнего влияния на выборы в Украине, в рамках которой запрещается публикация политической рекламы из-за рубежа, а также о намерении временно усилить надзор за выполнением правил. Регулированию будут подлежать сообщения, касающиеся политиков, партий, мобилизации избирателей, партийные слоганы и символика. Ранее администрация сети изменила правила, делавшие сеть альтернативным инструментом массовой политической коммуникации несистемных политических сил. Так, изменены принципы ранжирования постов, ведены массовые баны, запрет на "сексуальный подтекст" в постах – то есть механизм цензуры.

В целом после скандала с Cambridge Analytica "Фейсбук" перестал быть широкой социальной площадкой, способной конкурировать со средствами массовой информации. Но и последние не возродили своего влияния. Социальная сеть переориентировалась на общение в непосредственном социальном окружении пользователей. Публикации страниц и лидеров мнений остаются на заднем плане, в приоритетном показе – посты родственников и близких друзей. Пользователи оказались закрыты в личном информационном пространстве, воспринимая один и тот же контент от одних и тех же людей с одной и той же точкой зрения. Информационное пространство сети фрагментировалось и замкнулось, исчез плюрализм взглядов на происходящее.

Согласно новым алгоритмам в приоритете оказались комментарии, а не поддержка точки зрения – чем больше комментариев под записью, тем лучше она распространяется по сети и чаще появляется в ленте. Массовая поддержка – «лайк» потерял свою власть над распространением информации. Самые высокие охваты сейчас получают те, кто умеет вовлекать аудиторию в дискуссию, а не те, чье мнение нравится большему количеству участников коммуникации. Публикации групп и публичных страниц не видны в ленте "Фейсбука", это возможно только если публикацию поставят на рекламу, то есть не из интереса а за деньги, что дискредитирует сообщения. Какой была бы реакция пользователей сети, если бы они знали, что призыв «пить чай на Майдане» – дорогое платное рекламное сообщение? Кроме того, упали объемы охвата постов – большую их часть аудитория просто не видит. Если в старой версии "Фейсбука" популярный блогер с 10-15 тыс. подписчиков легко набирал по несколько тысяч «лайков», то теперь даже 200-300 этих отметок – уже успех. На начало 2019г. каждый пятый пост в ленте «Фейсбука» – реклама.

Все это привело к разочарованию тех, кто смотрел на "Фейсбук" как на общедоступную среду общения, социальное благо, основанное на идеалах гуманизма и демократии. Все большему числу пользователей становится ясно, что это циничная интернет-компания, которая собирает данные

пользователей, чтобы показывать рекламу, фактически продает пользователей вместе с данными о них. Пользователь же находится в позиции бесплатного работника. Заняв открытую позицию ментора, определяющего что такое хорошо и что такое плохо, заявив о намерении воспитывать пользователей социальных сетей, "Фейсбук" потерял их политическое доверие. Из площадки для свободного обмена мыслями он превратился в предсказуемую ленту новостей.

Таким образом, к началу избирательной кампании многие понимают, что Фейсбук – это тысячи и десятки тысяч подписчиков, и люди, которые за деньги генерируют пропагандистский политический контент, распространяют фейки, поддают остракизму личности и компании. Он превратился в токсичную коммуникативную среду, где идеология соцсетей как канала связи между людьми нарушена, где ведется пропаганда и массовая политическая реклама. Эта среда сетевого общения превратилась в копию плохого телевидения, где неизвестные инстанции решают, что и когда пользователи будут читать и смотреть. Социальная сеть перестала быть средой «эмоционального кружения» - распространения циркулярных реакций, взаимного заражения эмоциональными состояниями на психофизиологическом уровне, что значительно снизило коммуникативный и мобилизационный потенциал ориентированных на сетевые технологии представителей оппозиции. "Фейсбук" больше не поощряет создание новых смыслов и их носителей, он перестал быть социально важным.

Власть «вернулась» в телевизор, с которым соперничает YouTube, сформировавшие ресурс информационного влияния популярные блоггеры все больше используют также другие сети – Телеграм и Инстаграм. Запрещённая решениями власти социальная сеть «В контакте» занимает второе по рейтингу место и остаётся альтернативным пространством сетевых политических коммуникаций.

Противоречия в трактовках политического процесса в национальных медиа не критичны для транслирования господствующего образа происходящих процессов

избирателям. Телевизионное пространство разделено по признаку принадлежности собственникам, однако в целом эффективно контролируется институтами власти и ориентированными на них гражданскими активистами. Образы войны и внешней агрессии транслируются уже пять лет и стали привычным фоном существования. Два оппозиционных канала находятся под постоянным давлением и ограничениями в распространении контента и не выходят за пределы государственной медийной политики. Население пользуется в качестве альтернативного источника информации интернет-каналами и спутниковым ТВ, что значительно расширяет палитру доступных политических концептов происходящего.

Коммуникативное пространство разбито на отдельные «информационные пузыри», устроенные по принципу альтернативных описаний и оценок одних и тех же реальных событий и процессов, дополненных соответствующими их характеру фейковыми сообщениями. Поэтому различные группы избирателей соотносят свое политическое поведение с различными образами реальности и различной системой оценок происходящего как в стране, так и с ними персонально.

В контексте событий 2013-18г. из пространства публичных политических коммуникаций вытеснены альтернативные закреплённым в законах и практиках власти тематические сегменты, способы описания общественных процессов, их смысла и направленности общего хода.

Путем монополизации образа Украины сформировано представление о наличии единого устойчивого общественного сознания населения страны, ориентированного на «код Порошенко» - «армия язык вера». Однако эта монополия достаточно условна, поскольку доступны информационные ресурсы её критического восприятия. Коммуникативное пространство по факту значительно сегментировано на технологическом уровне – электронные и «бумажные» СМИ, действующие в рамках установленного политико-правового режима, не охватывают всю территорию страны население пользуется ресурсами других стран и Интернета. Кроме того, налицо сегментация коммуникативного пространства по

поселенческому, профессиональному, возрастному групповым признакам. В целом общество Украины слишком велико как в количественном, так и в качественном отношении для того, чтобы можно было на него воздействовать технологиями средств прямой политической пропаганды.

Значительную роль в медиа-процессах украинского общества традиционно играют внешние источники и ресурсы коммуникации. Имея собственные цели в ходе избирательной кампании, они значительно влияют на формирование представлений избирателей о происходящем. Социологические исследования показывают, что население получает информацию как с Запада, так и с Востока, воспринимая самые разнообразные медиа-продукты, порой далекие от публичных политических концептов Украины. «Зазеркалье», в котором политические процессы и события Украины имеют какое-то иное, собственное, значение во внутривнутриполитических процессах других стран, в процессах геополитического и геоэкономического характера, формирует действия этих внешних субъектов медиа-пространства Украины. Кроме того, медиа-воздействие на выборы оказывают диаспоры, решающие свои вопросы в разных странах мира. В ситуации конфликтности и неустойчивости политических процессов эти «гомеопатические» влияния способны резко изменить процессы в общественном сознании. Но это ресурсы несистемного влияния, анализ которых, не входит в задачи данного текста – можно лишь заметить, что эти несистемные воздействия давно уже стали системной составляющей медиа-обеспечения политических процессов страны, их ожидают и на них реагируют. Учитывая ту роль, которую играют внешние медиа в легитимации власти, все политические акторы формируют собственную информационную стратегию, принимая во внимание процессы, происходящие в мире. Это вызывает диссонанс со стратегиями «внутреннего использования», что также выступает критическим фактором политической кампании.

Ориентация кандидатов на медиа-сферы различного социокультурного профиля.

Спецификой начавшейся кампании является отсутствие кандидатов, которые бы обладали абсолютным преимуществом в политическом сознании масс. Это заставляет каждого из них концентрировать коммуникативные ресурсы на достаточно узких группах избирателей и использовать те коммуникативные сферы, которые позволяют воздействовать наиболее эффективно на эти группы. Поскольку целевые группы кандидатов представляют собой аудитории с различными социокультурными запросами, медиа-стратегии кандидатов ориентированы на действия в различных сферах коммуникации.

Можно выделить три базовых сферы коммуникативного пространства Украины, которые имеют специфические потенциалы формирования политического поведения граждан и позволяют воздействовать на различные по социокультурным установкам типы участников политического процесса.

Первая – сфера коммуникаций в рамках публичных общественных институтов. К ней относятся телевидение, публичное пространство (реклама, билборды и т.п.), пространство официальных коммуникаций в учреждениях, школах, больницах военной инфраструктуре, на производствах и т.п. Основной алгоритм воздействия здесь – от центра к массе, каждый элемент которой не имеет собственных свойств и способности к политическому действию. Избиратель должен себя в этом качестве добровольно (как подданный) или в силу предложенных обстоятельств (как покоренный), став перед лицом власти в образе «маленького украинца», в процессе коммуникации демонстрировать лояльность в отношении государства и его идеологии. Если участник политического процесса не находит в себе таких свойств, он стремится выйти из такой коммуникации. Это сфера формирования образа «системного кандидата», способного управлять государственными институтами исходя из интересов развития государственности, видения движения в будущее.

Вторая – сфера коммуникаций на основе социальных сетей. К ним относятся сети неинституционального общения – профессиональные, по интересам – в том числе экономическим и политическим. Средством такого общения в последнее время стали Фейсбук, Вконтакте, Инстаграмм, Телеграмм и др. Основной алгоритм воздействия здесь – вовлечение избирателя в игровое взаимодействие (геймификация политической коммуникации) и доведение до «избирательской экзальтации» – осознания своей причастности к сообществу избранных свидетелей нового мира, путь к которому открывает избрание нового кандидата. Избиратель должен обладать такими качествами как активная коммуникабельность, интерес, свобода выбора, собственный ресурс поведения в ситуации, внушаемость. Соответственно воздействие на него ориентируется на приоритет этих качеств и если они для него не важны, он не участвует в такой коммуникации. Это сфера формирования образа «несистемного» кандидата, способного реализовывать в политической сфере умонастроения и запросы общества как множества различных групп со своими интересами.

Третья – сфера коммуникаций граждан в их повседневных мирах их жизненных практик. Сюда относятся межличностные коммуникации по поводу профессиональных, возрастных, поселенческих, семейно-общинных проблем жизнеобеспечения, где люди вступают в межперсональные коммуникации лицом к лицу. Определенными ресурсами влияния здесь обладают институты социального обеспечения, церковь, органы местного самоуправления, профсоюзы. Основной алгоритм воздействия в этой сфере – личный пример, демонстрация близости по интересам, убеждение, создание рациональных представлений о своей роли в общем конструктивном действии. Это образ сокрытого «народного лидера». Избиратель должен обладать установками на рациональность как ценность своего отношения к миру, планируемость, достижимость и устойчивость результатов, ориентацией на личные добродетели. Здесь идет формирование образа кандидата, сосредоточенного на

проблематике жизненного мира, материальной и социальной обеспеченности граждан как приоритета государства.

Эти сферы коммуникации не только разделены, но в настоящее время альтернативны друг другу, в них выражаются интересы различного типа и различных групп, формируемых в процессе политической коммуникации. В каждой из них сформированы образы почти всех кандидатов, однако доминируют различные группы политиков со своими коммуникативными стратегиями, влияющими на политическое поведение избирателей с различными культурными характеристиками.

В сфере институционального общения доминирует П. Порошенко и ориентированные на него технические кандидаты, поддерживающие формируемый образ политической кампании как очередного этапа возрождения украинской нации, понимаемой в этнокультурном значении. Действующий Президент строит коммуникацию с избирателем на развитии национал-консерватистского образа укрепления государственности путем борьбы с внутренними и внешними врагами. Поэтому основными средствами коммуникации выступают административные воздействия на избирателя через структуры государственного аппарата, органы местного самоуправления и новосоздаваемой церкви – то есть через средства, призванные продемонстрировать его авторитет, способности решительного политика-победителя. Кандидатами-визави в этой сфере могут выступать этатистски ориентированные персонажи – такие, как Смешко, Гриценко, Ляшко. В качестве соперников в этой сфере выступают Ю.Тимошенко, которая пытается перехватить используемые Президентом симулякры и Ю.Бойко, предлагающий альтернативное видение государственной политики.

В сфере сетевых медиа из наиболее популярных на начало кампании претендентов наиболее выразительно представлена Ю.Тимошенко. Она выстраивает коммуникацию с избирателем путем формирования образа выборов как обновления государственности на основе использования потенциала ориентированных на инновации общественных групп,

вовлекаемых инструментарием сетевого общения в единую национальную среду как корпоративное целое. Поэтому коммуникация строится в форме инициирования интерактивного взаимодействия с экспертной средой и открытой аудиторией, целью которой выступает новый общественный договор. Основным средством коммуникации здесь выступает конструирование корпоративных общностей, направленное как на исключённых из институционального общения избирателей, так и на включённых, но ощущающих неустойчивость своего положения в ближайшей перспективе. Роль кандидатов-визави в этой сфере могут выполнять участники кампании со схожей социально-политической риторикой – Зеленский, Вакарчук, Садовой и др.

Третья сфера – повседневные коммуникации, на доминирование в которой нацелены политики, позиционирующие себя как носители принципиальных альтернатив моделям и стратегиям практик государственного управления, сложившихся в 2013-18г. Образ кампании здесь выстраивается как изменение жизни страны в пользу потребностей повседневной жизни человека, «спасение народа от политического режима» и открытие дороги к социальной защите, успешному будущему на основе «успешного прошлого». Это позиция прогрессивизма на индустриальной основе. Доминантным здесь призван стать «кандидат от Юго-Востока», который продемонстрирует способность строить образ кампании как решительных действий в рамках такого образа. Наиболее к этому профилю подходит Ю.Бойко в отношении к которому роль кандидатов-визави могут выполнять А.Вилкул, П.Симоненко, Е.Мураев и др. Медиа-версию «сериального типа» образа, ориентированного на эту сферу продуцирует также команда В.Зеленского. Коммуникативные стратегии в этой сфере ориентированы на прямой контакт с избирателями, демонстрацию включенности в социальную проблематику, конфликтность в отношении власти на мировоззренческом уровне.

Перспектива перехода к идеологическому языку политической коммуникации.

Лидеры коммуникативных сфер заинтересованы в сохранении и утверждении своего монопольного положения в них. Демонстрируя превосходство над кандидатами-визави из своей сферы, они стремятся продемонстрировать свое абсолютное лидерство в рамках создаваемого ими образа Украины. Каждый такой лидер заинтересован также в превалировании «своей» сферы над другими с целью влияния на политическое поведение ориентированных на ценности этих сфер избирателей. Поэтому его команда будет стремиться дискредитировать ориентированных на другие сферы избирателей, представлять их как особую социальную группу со своими интересами (враждебными или неадекватными), противоположными интересам целевой группы своего кандидата.

Так возникает проблема удержания в медиа идеологической монополии на образ Украины, соответствующий профилю «подконтрольной» ему сферы общественной коммуникации. Последнее обстоятельство формирует в сфере публичной коммуникации повестку идеологической борьбы – представления предлагаемого социального порядка таким, который соответствует интересам целевой группы кандидата. Предметом коммуникаций становится уже не борьба за прежний достаточно общий образ «независимой Украины», где было место «всем» - но за реализацию одного из альтернативных её цивилизационных вариантов. «Армия Мова Віра», «Украина для українців», «Нація понад усе» - формулы из таких концептов.

Существенно, что средством коммуникации в этих условиях становится критика предыдущего представления «Украины для всех». События и представления периода независимости до 2013г. становятся предметом критической реинтерпретации с точки зрения новейшего прочтения интересов отдельных групп избирателей. Конструирование образов «другой Украины» оказывает поляризующее воздействие в координатах идеологических представлений как на общество, так и на внешнеполитическое пространство.

Каждый из кандидатов в практиках разворачивания «собственного» образа политического действия будет объективно вынужден интерпретировать свою программу видения Украины в идеологических категориях и понятиях. Уже на старте действующий президент использует праворадикальную риторику с элементами религиозного фундаментализма. Выступающая в качестве его основного противника Ю.Тимошенко также использует риторику религиозно-реформаторского типа. Обозначен спектр претендентов с левоцентристской идеологической риторикой – П.Симоненко, Кожара, Каплин и др. Один из лидеров, Ю.Бойко, не имеет выраженного идеологического профиля, хотя объективно ориентирован на республиканскую либеральную демократию.

В такой ситуации тот, кто не сможет или не захочет применять идеологическую риторику, кто будет демонстрировать непоследовательность или неспособность развития собственного идеологического видения Украины, будет утрачивать потенциал влияния на медиа-процессы и политическое поведение избирателей. Запрос массового сознания заключатся в варианте создания дальнейшего общественного обустройства, а на старте кампании ему предлагаются варианты избавления от прежних проблем. Это противоречие если и не скажется непосредственно на выборах президента, то, вероятно, проявится в ходе избирательной кампании в Верховный Совет. При этом дальнейшая судьба избранного весной 2019г. президента будет зависеть от хода и итогов новой идеологизации политических процессов – в ситуации углубляющегося кризиса центристские идеологии проигрывают и политическое влияние приобретают радикальные умонастроения.

Заключение

Сформированные на начало избирательной кампании 2019г. процессы медиатизации фактически препятствуют осознанию, формированию, агломерации и манифестации общественных интересов ряда общественных групп, выполняют функции подавления и трансформации политического действия

значительной части населения. Интересы части общественных групп не будут представлены в процессе выборов, что усиливает потенциал конфликтности вне политического пространства, с одной стороны, и развивает отчуждение от публичных медиа – с другой.

Такое состояние общественного медиа-пространства ведет к дальнейшему разрушению процедур политического общения, поскольку его участники оказываются не способными мыслить политические реалии, выходящие за рамки утвержденных в медиа-пространстве схем и представлений об Украине и современном мире. В силу изложенного выше формирование политического представительства интересов социальных групп, из которых состоит сегодняшняя Украина в процессе предстоящих выборов возможно скорее вопреки, чем благодаря медиа-процессам в обществе. Медиа-среда не позволяет сформировать мобилизационные ресурсы тем группа, чьи интересы подавляются сложившимися политическими процессами, структурные рычаги влияния, связанные с положением этих групп в системе общественного производства, остаются. Необходимы инновации, открывающие возможность медиатизации тех процессов, которые выведены за рамки фокуса массовой коммуникации и из публичного политического пространства. В сложившихся условиях, вероятнее всего, без инноваций в медиасфере будет происходить дальнейшее углубление конфликтов и без того вышедших за рамки процедур политического общения. В медиа циркулирует перманентный скандал и поиски «хорошего царя», они объективно не ориентированы на задачи воспроизводства легитимности власти – скорее наоборот, её делегитимация (скандалы и разоблачения) выступает ресурсом политического действия большинства участников коммуникации. (При этом собственно технология скандала для разрушения образа политика перестала действовать – как можно нарушить правило, которого нет?) Начало кампании свидетельствует, что участники избирательной гонки настроены на политтехнологическое использование предоставляемых медиа-средой возможностей «войны всех против всех», а не на

изменение самой среды в соответствии с проблемами демократического развития Украины.

Народ Украины всматривается в расколотое зеркало медиа-пространства, стремясь разглядеть в фрагментированном Зазеркалье образы своего настоящего и будущего. «Затишье перед бурей» закончилось, «скелеты» достаются из шкафов, «грязное белье» вывешивается на всеобщее обозрение, а население отрешённо смотрит, как на политической сцене начинается спектакль абсурда, где ему предстоит участвовать независимо от его воли и с непонятными для него результатами.

Економічний спадок України напередодні чергового електорального циклу.

В Україні, вже майже тридцять років, відбувається формування ринкової економіки. Економічну модель, яку отримала країна в результаті трансформаційних процесів, часто називають сировинною або ресурсно-сировинною. У цьому матеріалі ми спробуємо дослідити основні характеристики функціонування сучасної економіки країни з метою відповіді на питання, який економічний спадок отримає нова влада після завершення чергового електорального циклу.

Здатність економіки країни до перманентного та безперервного розвитку, пов'язана з наявністю та належним функціонуванням певних складових економічного механізму: (1) адекватна (цілям держави) система фінансового перерозподілу, зорієнтована на баланс між інвестиціями та споживанням (її основні складові: функціонування фінансових посередників, фондового ринку, фіскальна та монетарна політики тощо); (2) фонди, на яких безпосередньо здійснюється виробництво готових виробів, та інфраструктура; (3) сировина та матеріали; (4) трудові ресурси та людський капітал (інтелектуальна праця); (5) технології, необхідні для виробництва сучасних продуктів; (6) ринки збуту (зовнішні та внутрішні).

1. Адекватна цілям держави система фінансового перерозподілу, на наш погляд, є одним з найголовніших елементів економічного механізму оскільки саме тут визначається, яка частина ресурсів держави піде на розвиток, а яка на споживання¹⁰.

---

¹⁰ У цій статті, *споживанням* ми називаємо не виключно використання фінансових ресурсів для поточних потреб населення, а цілий комплекс проблем, пов'язаний з перерозподілом за допомогою корупційних механізмів, тіньової економіки, офшоризації, що виливається у хронічне недофінансування фундаментально важливих напрямків для підтримки розвитку країни та зростання якості життя її населення.

Аналізуючи роботу фінансового сектору, звернемо увагу на особливості перерозподілу ВВП та дамо оцінку значенню роботи фінансових посередників, котрі безпосередньо залучені до процесів розподілу фінансових ресурсів та ролі роботи системи державних фінансів.

Ключовим показником, що дає уяву щодо роботи системи фінансового перерозподілу країни - є рівень валового нагромадження (інвестування) у структурі ВВП. Питома вага валового нагромадження у ВВП України, за період 2001-2017 рр., не перевищувала 27,8%, при цьому медіанний показник знаходився поблизу рівня 21%¹¹. *Тобто, за методологією Держстату, лівова частка ВВП спрямовувалась на споживання, що є свідченням орієнтації економіки країни на непродуктивні витрати у збиток нагромадженню, що є основою створення матеріального ресурсу для розвитку.* Більш того, у структурі валового нагромадження приблизно 90% припадає на: житлові будівлі, інші будівлі та споруди, машини й обладнання – витрати, суттєву частину яких, можна віднести до споживання. В результаті чого, так зване **продуктивне нагромадження у структурі ВВП країни, практично всі роки незалежності, не перевищувало 10-15%!** Окремо слід згадати про суми, які упродовж усіх років незалежності виводяться з України в інші юрисдикції або недоотримані валютні надходження через заниження вартості експортованих товарів, що ще погіршує реальний стан справ із інвестиціями. Як наслідок, *реальний довгостроковий відсоток нагромадження у структурі ВВП країни ще нижчий – приблизно 7-10%.*

У такій ситуації виникають запитання щодо ролі фінансових інститутів, зокрема банків та інституційних інвесторів, у фінансуванні реальних проектів. Для з'ясування цього приведемо структуру кредитного портфелю банківської системи України та структуру активів інституційних інвесторів.

Станом на кінець 2018 р., банківська система України видала 901,0 млрд.грн. кредитів підприємствам, ще 212 млрд.грн. – кредити населенню, крім того близько 360 млрд.

---

¹¹ Розраховано автором за матеріалами <http://www.ukrstat.gov.ua/>

грн. банки тримали у вигляді ОВДП. Серед цих напрямів фінансування, лише кредитування підприємств має інвестиційний компонент (про державні інвестиції трохи нижче). У кредитному портфелі, виданому підприємствам, домінує фондування оптової та роздрібною торгівлі (34%), переробної промисловості (25%), операцій з нерухомим майном (9%), ще невелика частина йде у сільське господарство, на підприємства транспорту та постачання е/е, природного газу, тепла¹². Тобто, серед кредитів виданих підприємствам, тільки 35-40% спрямовуються до реального сектору економіки, ще менше йде на розвиток. Можна зробити висновок, **що банківський сектор України є орієнтованим на споживче кредитування, яке у його портфелі займає щонайменше 70%, а також на забезпечення розрахунково-касових операцій!**

Участь інституційних інвесторів у фінансуванні проектів розвитку досить схожа – інститути спільного інвестування (ІСІ) мають у своєму портфелі 275,5 млрд.грн. (2017 р.)¹³, що є переважно активами промислово-фінансових груп, переданих до управління ІСІ задля оптимізації їх контролю; активи страхових компаній (страхові резерви) – 22,8 млрд.грн., знаходяться переважно на депозитах банків та у неліквідних цінних паперах або ОВДП; активи НПФ в Україні, на кінець 2017 року, сягнули всього 2,5 млрд. грн. і, відповідно, вони замалі, щоб говорити про їх суттєвий вплив на економіку країни (однак відзначимо, що ці інститути також тримають приблизно 44% на рахунках у банках і ще 44% у переважно емітованих державою цінних паперах¹⁴).

Таким чином, частка банків та інституційних інвесторів, у загальному об'ємі капітальних інвестицій в економіці, знаходиться на середньому рівні 15,2% (2001-2017 рр.), менше 1% ВВП¹⁵. Тобто, система фінансових посередників, об'єм

---

¹² www.bank.gov.ua

¹³ http://www.uaib.com.ua/analituaib/publ_ici_quart.html

¹⁴ <https://www.nfp.gov.ua/>

¹⁵ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

активів якої є співставним з 75% ВВП (2017 р.) країни, практично не бере участі у фінансуванні проектів, які б могли сприяти економічному відновленню.

Що стосується перерозподілу ВВП через державний бюджет, то його частка у капітальних інвестиціях країни (у 2018 р.) перебувала на рівні 2,5%, видатки на науку в Україні менші за 1%¹⁶. Український державний бюджет переобтяжений боргами (у 2019 р. на обслуговування і виплату державного боргу буде витрачено 40% усіх доходів)¹⁷, витратами на армію, пенсії, систему освіти та медицини тощо. **Більш ніж на 90% зорієнтовано на фінансування поточних або попередніх видатків споживання!** В цілому ж, не належно працююча система перерозподілу є першоджерелом хронічного дефіциту державного бюджету, платіжного балансу, довгострокового девальваційного тренду.

Споживча орієнтація економіки України, відсікаючи зовнішні та внутрішні інвестиції, обумовлює деградацію виробничих потужностей, інфраструктури, відставання у науковій сфері, відтік інтелекту та втрату трудових ресурсів.

2. Виробничі фонди та інфраструктура - це об'єкти, що постійно мають знаходитись у «русі» розширення, відновлення, модернізації, удосконалення, розбудови, **що є єдиним шляхом підтримки економіки у конкурентному стані.** Хронічний брак інвестування у виробничі фонди обумовлює їх безперервний занепад і, чим більш складне та комплексне виробництво, тим більшої шкоди воно зазнає у результаті відсутності інвестицій.

Станом на 2017 р. знос основних засобів і нематеріальних активів **промислових підприємств сягав 81%, сфери ЖКХ - 80%, ПЕК - 70%, різноманітна інфраструктура від 60 до 94%!** В той час, як підприємств сільського господарства - 42%, оптової та роздрібної торгівлі - 39%, фінансової та страхової діяльності - 30%¹⁸. Ці цифри дають чітку картину того, які саме

---

¹⁶ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

¹⁷ <https://www.minfin.gov.ua/news/bjudzhet/bjudzhet-nastupnogo-roku>

¹⁸ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

сфери, упродовж останніх десятиліть, отримували певні об'єми фінансування, а які практично повністю вичерпали себе. Таким чином, пріоритетними були сфери з швидким циклом обороту капіталу: аграрна (переважно зерно), торгівля, фінанси. *Що й обумовило спрощення виробництва в країні та перехід до сировино-аграрної орієнтації структури виробництва.*

Іншою стороною цих процесів була поступова зміна структури виробництва та експорту, що відповідно вплинуло і на внутрішній ринок. **Частка товарів з високою та середньою доданою вартістю, у структурі експорту у 2005 р., становила 70%, у 2017 р. - всього 45%.** Відповідно, частка товарів з низькою доданою вартістю збільшилась з 26% до 51%. Тобто, погіршення якісних характеристик експортних товарів обумовлено, в першу чергу, досить швидким згортанням виробництва продукції з високою доданою вартістю, на тлі більш стабільних показників експорту продукції сфери АПК.

Таким чином, економіка України практично повністю втратила промисловість (інфраструктуру), продукція якої могла б забезпечити ресурс для відновлення та модернізації економіки і, відповідно, підвищити стандарт життя країни. Більш того, держава стоїть на межі нездатності підтримувати ключові системи життєзабезпечення населення, як на центральному, так і на регіональному рівнях.

3. Сировина та матеріали – необхідні елементи виробничого циклу. В цілому, серед компонентів економічного механізму, цей ще й досі має суттєвий потенціал. В Україні є значні запаси різноманітних природних ресурсів, зокрема, поклади мінеральних та немінеральних корисних копалин, водні ресурси, деревина, різноманітні рослини та їх плоди тощо.

Разом з тим, в країні спостерігається гострий дефіцит найбільш універсальної та вживаної сировини – енергоносіїв. Україна – **енергодефіцитна країна в усіх можливих проявах: має дефіцит нафти та нафтопродуктів, газу, вугілля (на сучасному етапі), палива для атомних**

електростанцій. Так, виходячи з даних енергетичного балансу України за 2017 р., країна покривала свої потреби власним виробництвом: вугілля і торфу на 53%, сирової нафти на 66%, природного газу на 63%; продукти нафтопереробки майже взагалі не вироблялись, як і паливо для ядерних електростанцій¹⁹.

Більш того, імпорт різноманітних енергоносіїв є ключовою статтею платіжного балансу України і, відповідно, одним з найпотужніших факторів слабкості національної валюти, упродовж останніх десятиліть. Залежність від поставок, цієї групи товарів, настільки критична, що протягом останніх п'ятнадцяти років, їх частка у структурі імпорту України є напрочуд стійкою (26,0-33,0%), незважаючи ні на економічні підйоми, ні на спади.

Енергетичний дефіцит - є повноцінним «вузьким місцем» української економіки. Що не лише стримує її розвиток, а й обмежує потенціал останнього. І найважливіше - виправити ситуацію, у короткостроковій перспективі, не можливо за будь-яких обставин.

4. Трудові ресурси та людський капітал (інтелектуальна праця) є рухомою силою виготовлення товарів та послуг в усіх сферах. Їх втрата, практично унеможлиблює розгортання виробництва в країні.

Стан трудових ресурсів яскраво ілюструє статистика трудової еміграції, а не офіційні дані про стан безробіття. За різними оцінками 4-7 млн. українців²⁰ (2018 р.) є трудовими мігрантами і ця цифра постійно зростає на тлі офіційного рівня безробіття на рівні 9,0% (+/-2,5% упродовж останніх, майже, двадцяти років). До того ж, слід зазначити, що зайняте населення України складає 16,5 млн. осіб²¹, всього в 2-3 рази більше ніж рівень трудової міграції!

---

¹⁹ <http://mpe.kmu.gov.ua/>

²⁰ <http://www.dsnews.ua/economics/svezhaya-krov-evropy-smogut-li-trudovye-migranty-vytyanut-18012019220000>

²¹ <https://www.dcz.gov.ua/>

Реальна ситуація виглядає наступним чином: спрощення та примітивізація економіки, відсутність внутрішніх і зовнішніх інвестицій, обумовила перманентний процес скорочення потреби у трудових ресурсах. У такій ситуації, працездатне населення з різним рівнем кваліфікації почало мігрувати у країни з більш високим рівнем продуктивності праці або з наявністю більш оплачуваних вакансій. Міграційна проблема, в умовах економічного занепаду, має більше плюсів, ніж мінусів. Вона виливається, насамперед, у проблеми з надходженням до пенсійного фонду держави, при цьому, показники надходження валюти покращуються (звісно у цій частині). *Натомість, у випадку економічного відновлення, ця проблема в Україні замерехтить різноманітними барвами. Наша країна, фактично, перебуває на порозі глибокої кадрової кризи.* Це стосується, як висококваліфікованих кадрів, так і не кваліфікованих. Брак персоналу, у низці напрямків, в Україні вже давно перейшов у хронічну стадію і є системним ризиком реалізації проектів, у першу чергу, у реальному секторі економіки. Вже зараз спостерігається брак професіоналів таких сфер як: будівельник, тракторист, сантехнік, швачка тощо. І ця проблема буде тільки загострюватися у найближчі роки.

5. Технології, необхідні для виробництва сучасних продуктів у різних сферах економіки передбачають можливості з використання існуючих ресурсів більш ефективним шляхом або отримання більш якісного та сучасного продукту за конкурентною ціною.

Технології, особливо фундаментального характеру, потребують суттєвого фінансування впродовж багатьох років. А на заваді цьому стоїть споживча орієнтація економіки. Так, протягом останніх десятиліть *питома вага обсягу виконаних наукових робіт у ВВП зменшилась з 1,36% (1996 р.) до 0,45% (2017 р.)!*²² Аналогічний показник для країн ЄС знаходиться на рівні 2,0%²³, але і ВВП на душу населення у них суттєво вищий ніж в Україні. Нагромадження шляхом реалізації наукових

---

²² <http://www.ukrstat.gov.ua/>

²³ <https://ec.europa.eu/eurostat>

досліджень та розробок у 2010-2015 рр. не перевищувало 3% - мізер від мізеру, який взагалі спрямовується на цілі нагромадження.

В Україні, в останні десятиліття, впровадження інновацій на промислових підприємствах постійно знижується. Так, якщо у 2000 р. питома вага реалізованої інноваційної продукції, в обсязі промислової, була на рівні 9,4%, то в 2017 р. - 0,7%! Медіана питомої ваги підприємств, що впроваджували інновації, з 2000 р., знаходиться на рівні 14%, але кількість промислових підприємств за цей період суттєво зменшилась, що означає постійне скорочення відповідної активності в країні. У 2018 р. Україна разом з Тунісом випали з глобального рейтингу ТОП-50 найінноваційніших країн світу!²⁴

Результатом цих процесів, як було відзначено вище, є постійне погіршення конкурентоспроможності і, відповідно, структури експорту, закриття зовнішніх ринків і витіснення з внутрішнього національних виробників складної продукції. У цій площині лежить і збільшення відставання України від країн колишнього соц.табору (таких, як Польща та Угорщина).

6. Ринки збуту (зовнішні та внутрішні) – визначають споживачів товарів та послуг, що виробляються в країні і напряму залежать від якості і ціни, пропонованих продуктів. Саме ринкова експансія дає можливість реалізовувати ефект масштабу і отримувати додаткові конкурентні переваги виробнику.

На зовнішніх ринках Україна займає типову сировинну позицію, серед ТОП експортних товарів: концентрати залізних руд, соняшникова олія, кукурудза, гарячекатаний прокат, насіння рапсу, феросплави тощо. При цьому, на основний зовнішній ринок України – країни ЄС (усього більше 40% експорту) в основному експортується продукція АПК та металургійного комплексу. Ринки продукції машинобудування, найбільш інноваційної в Україні, практично втрачені і скорочення за цим напрямком продовжується. Звісно, експорт

---

²⁴ <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-01-22/germany-nearly-catches-korea-as-innovation-champ-u-s-rebounds>

примітивних товарів дає певну користь економіці, але він не може забезпечити формування ресурсу для пришвидшеної економічної модернізації.

Відсталість загального виробничого рівня в Україні спричинила витіснення українських товарів не тільки із зовнішніх ринків, а й з внутрішнього. Таким чином, віддаючи найбільш прибуткові ніші споживчих товарів іноземним виробникам. Так, питома вага продажу непродовольчих товарів вітчизняного виробництва, у структурі оптової торгівлі в країні, знизилась з 70,5% у 2005 р., до 37,2% у 2017 р²⁵. І це при тому, що реальні доходи населення постійно знижуються, а імпортні товари дорожчають через девальвацію.

Економічний механізм України, налаштований таким чином, що його робота обумовлює постійне економічне згасання і погіршення ділового середовища. Всі, за виключенням ресурсної бази (не враховуючи енергетичний компонент), ключові компоненти цього механізму знаходяться у жалюгідному стані. Тому економічний спадок, який отримає нова влада після закінчення електорального циклу, можна охарактеризувати як Нову Велику Руїну.

---

²⁵ <http://www.ukrstat.gov.ua/>

Частные армии и их роль в современных конфликтах.

Частные военные компании (ЧВК или PMC-private military companies) давно стали неотъемлемой частью современных вооруженных конфликтов. Хотя в совокупности они составляют относительно небольшую часть военно-промышленного комплекса, эта часть весьма значимая, и ее роль растет. Порой они решают судьбы целых народов. Как пишут авторы обзора [«Outsourcing War»](#), поскольку ЧВК решают задачи, которые не может решить никакая другая организация, они представляют собой целую индустрию, которая весьма быстро развивается.

Необходимо указать, что к ней сложилось очень противоречивое отношение. Генеральная Ассамблея осуждает использование «наемников» (категория, к которой относятся ЧВК, согласно Организации Объединенных Наций), считая их преступниками. Это отражено в [Кодексе преступлений против мира](#) и безопасности человечества. В то же время такие страны как США и Британия постоянно используют ЧВК.

В Ираке и Афганистане они появились еще в 2008 году, и сразу стали составлять большинство военного контингента. Надежной мировой статистики использования ЧВК пока не существует. Тем не менее, некоторые данные собирает Конфедерация европейских служб безопасности, а Freie Universität Berlin собирает информацию по ЧВК, действующим в нестабильных государствах. [Прогнозируется](#), что только в США спрос на частные охранные услуги будет расти на 4,2 процента в год и в 2019 году достигнет 66,9 миллиарда долларов.

Наемники участвуют и в конфликте на Донбассе. Известны и условия оплаты их ратного труда – порядка 1000 долларов в месяц, и выше. Конечно, это намного меньше, чем получают наемники в частных армиях США (некоторые ЧВК правильнее назвать транснациональными), но и требования к подготовке бойцов значительно ниже. Получила известность "[ЧВК Вагнера](#)", сотрудники которой, хотя официально и не являются российскими военнослужащими, получали за свою работу ордена и награды. Другой известной частной военной структурой является [ЧВК "E.N.O.T. Corp"](#). В отличие от "Вагнера", эта компания несколько более публична, и имеет свой сайт. Несмотря на попытки отдельных депутатов законодательно урегулировать деятельность частных армий в РФ, необходимые для этого законы пока не приняты.

Таким образом, ясно, что **деятельность ЧВК являются важным аспектом вооруженных конфликтов, что нужно учитывать каждому, кто стремится понять пути их решения.** Литература по теме ЧВК растет по мере того, как влияние наемных армий становится все более очевидным для политиков, военных, да и самой общественности. ***Растет и их политическое влияние.*** Например, в июле 2017 года президент Д.Трампа назначил своими советниками Эрика Д. Принса и Стивена А. Фейнберга, оба из которых заработали миллиарды на своих частных армиях, Blackwater Worldwide и DynCorp International. Трамп назначил их, ища альтернативные пути решения конфликта в Афганистане. И здесь, конечно, встает вопрос, как приватизация вооруженного насилия влияет на протекание конфликтов? Способствуют ли ЧВК более быстрому их решению, снижению числа жертв и уменьшению разрушений, и, наконец, достижению мира? Сомнения небеспочвенны – вооруженные до зубов головорезы мало похожи на мирных переговорщиков, да и за день боевых действий они зарабатывают больше, чем за мирные будни.

Возвращение частных армий и теория "неосредневековья".

В качестве базовой теоретической основы для понимания расширения участия ЧВК в современных конфликтах сегодня является «теория неосредневековья». Наемники в средневековье были нормой. В качестве примеров можно назвать варягскую гвардию Византии, кондотьеров, ландскнехтов, швейцарские роты и другие известные наемные подразделения. Однако с заключением в 1648 году Вестфальского мира национальные государства решили монополизировать применение силы, что привело к появлению национальных армий. Этот период продолжался более 300 лет, но национальная монополия на применение силы пришла к концу с «вакуумом власти», возникшим после Холодной войны.

После 1991 года политики осознали, что огромные военные расходы, которые должны были служить сдерживающим фактором во всеобъемлющем двустороннем конфликте, могут быть сокращены. Вскоре армии всего мира демобилизовали более 6 миллионов солдат. Таким образом, на рынок труда вышла целая рабочая армия с весьма специфическим набором навыков, причем в то время, когда ситуация в международной политике существенно изменилась. Кроме того, в последней четверти 20-го века количество межгосударственных войн постепенно сокращалось, в то время как число внутригосударственных конфликтов, наоборот, росло.

С окончанием Холодной войны гражданские конфликты перестали быть «прокси-войнами» для сверхдержав, в которых они мерялись силами. Это еще больше увеличило потребность рынка в частных армиях. Однако возрождение ЧВК едва ли может сделать мир спокойнее, если не принять надлежащие меры, считают западные военные специалисты. Так, совсем недавно Шон Макфейт, автор ряда книг о наемных армиях, заявил, что возрождение ЧВК можно рассматривать как возвращение военного конфликта, к его старым, до-Вестфальским, моделям. Макфейт предложил и теорию,

объясняющую эту ситуацию, назвав ее «неомедивализмом» (неосредневековьем).

По его мнению, *доминирование национальных государств ослабевает*, и пробелы в сфере безопасности способны заполнить только частные армии. Макфейт не утверждает, что это приведет к тому же анархическому политическому ландшафту, что и до-Вестфальская средневековая Европа. В условиях все более нестабильной глобальной политической обстановки национальные государства, конечно, не могут отказаться от своей монополии на насилие и от той власти, которую они получили благодаря Вестфальскому миру. Об этом свидетельствует и тот факт, что военные расходы растут во всем мире, особенно в Европе. Макфейт склонен думать, что нынешняя глобальная система государств сохранится, *но вместо того, чтобы положить конец конфликтам, эта система с большей вероятностью будет их поддерживать.*

Наемники средневековья были мотивированы прибылью. Это означало, что их лояльность не была гарантирована. Выполнение контрактов на рынке наемной военной силы было проблемой, которая снизила координацию в средневековых военных операциях. Напомним, что Вестфальскому миру предшествовала Столетняя война, опустошившая Европу. Проблема лояльности наемников существует и сейчас. Однако хотя Вестфальская монополия на применение силы никуда не исчезла, и вряд ли исчезнет, она переживает своего рода трансформацию: государства больше не являются единственными сторонами в современных конфликтах, и они по-прежнему платят своим военным.

Крупнейшие частные армии мира.

Существование частных армий допускается законом уже во многих странах мира. Наиболее многочисленными и подготовленными являются ЧВК Соединенных Штатов. В США существует множество таких структур, причем численность их сопоставима с крупными национальными армиями, а

профессионализм, опыт, боевой дух, и вооружение не уступают обычным армейским подразделениям. Кроме того, у них есть и такое качество, как отсутствие каких-то морально-этических ограничений. Собственно, это всегда было отличительной чертой «солдат удачи». Потому, в случае, если они попадают в плен, с ними никто не церемонится – их убивают на месте. Так происходит сейчас, так было и сотни лет назад.

С чисто юридической стороны, в современных миротворческих операциях частные военные компании являются равноправным правовым субъектом наряду с обычными вооруженными силами. Согласно заключениям американских экспертов, а возможно, и финансовым интересам некоторых транснациональных компаний, ЧВК со временем будут играть все более значительную роль в войнах и вооруженных конфликтах. Их влияние на ход боевых действий стало заметно уже в Ираке и Афганистане, где эти компании взяли на себя многие функции армии и полиции, особенно в местах, где расположены особо важные объекты. Перечислим некоторые, наиболее заметные из них.

Ближний Восток всегда рассматривался США как регион обязательного военного присутствия, что позволило получить выгодные контракты частным военным компаниям, а можно сказать – и породило их. Так, в 1997 году пара морских пехотинцев, Эрик Принс и Эл Кларк, создали охранную фирму ***Blackwater***, которой было суждено стать **крупнейшей ЧВК в мире**. Правда, фирма заработала плохую репутацию среди мирного населения – неоправданная жестокость, контрабанда оружия и наркотиков, все это вынудило руководство компании дважды сменить название. Сейчас она называется Academi. 31 марта 2004 года четверо сотрудников компании были убиты иракскими повстанцами. Тела сотрудников были вытащены из машин, сожжены, а трупы повешены на мосту через Евфрат. Этот инцидент привёл к штурму 14-тысячной группировкой армии США города Эль-Фаллуджа, сотням погибших и скандалу, вспыхнувшему из-за

применения американцами белого фосфора в качестве зажигательного оружия, что запрещено конвенцией ООН.

Около 90 процентов прибыли, которую получает фирма, это участие в боевых действиях по контрактам с правительством США. Фирма процветает: в 2001 году компания заработала всего 735 тысяч долларов из бюджета США, в 2005 году уже 25 миллионов, а через год она достигла 600 миллионов долларов. Каждый день один наемник из Academi обходится США не менее чем в 1200 долларов. Обычный солдат получает в 6-8 раз меньше.

Вторая по величине частная охранная компания это G4S, численность которой достигает 657 тысяч человек. По сути дела, это целая корпорация, чья штаб-квартира находится в Великобритании, а представительства существуют в 125 странах. G4S была основана в 2004 году. Компания является вторым по величине частным работодателем в мире (после «Уолмарта»). Кроме рутинной охраны банков, тюрем и аэропортов, G4S также активно работает в «горячих точках» почти по всей планете.

К числу крупнейших ЧВК относится и компания "Military Professional Resources Incorporated" - MPRI. По сообщениям прессы, в ней работают 340 только бывших американских генералов, какова ее полная численность – неизвестно. Во всяком случае, это десятки тысяч бойцов. Эта частная военная компания, созданная в 1987 году восемью бывшими американскими военными, работает только по заказам Министерства обороны США. Её сотрудники принимали участие в подготовке армии Хорватии и пятого корпуса Армии Боснии и Герцеговины перед операцией «Буря», которая закончилась уничтожением Республики Сербская Краина и Республики Западная Босния в 1995 году.

Northbridge Services Group. Эта ЧВК имеет свое представительство и на Украине. ЧВК зарегистрирована в Доминиканской Республике и имеет офисы в Великобритании,

США и Украине. Его президентом и главным исполнительным директором является подполковник армии США в отставке Роберт В. Ковачич. Компания оказывает охранные, разведывательные услуги правительствам, корпорациям, организациям и частным лицам.

Среди других наиболее известных ЧВК можно назвать такие, как Aegis Defence Services, Control Risks, Erinys International, International Intelligence Limited, Sandline International, AirScan, Academi, Custer Battles, G4S, Jorge Scientific Corporation, KBR, MPRI, Inc., MVM, Inc., Northrop Grumman, Raytheon, Titan Corporation, Triple Canopy, Inc., Vinnell Corporation, Slavonic Corps, Wagner Group, Defion Internacional, STTEP, Sharp End International, Unity Resources Group, и другие.

Смена парадигмы.

Несмотря на неоднозначное к себе отношение, нужно признать, что **деятельность современных ЧВК весьма разнообразна.** Кроме охраны, они занимаются разминированием, охраняют доставку грузов, готовят кадры, разрабатывают планы военного строительства и боевого применения их армий. В последние годы сфера использования услуг частных военных компаний значительно расширилась, охватив и военную разведку, которая раньше была деятельностью особо секретной.

Подобные события вызвали серьезные вопросы среди военных аналитиков об **изменении самой природы современных вооруженных конфликтов**, в которых участвуют страны Запада. Некоторые аналитики говорят о смене парадигмы конфликта, поскольку после завершения Холодной войны вооруженные конфликты стали приобрели характер «войн между людьми», которые уже нельзя решить с помощью средств ядерного сдерживания, и которые требуют кризисного реагирования, применения специальных сил, а также

способностей вести переговоры и проводить гуманитарные акции.

Наемники из ЧВК фактически стали отдельной категорией военнослужащих, которые используются в тех случаях, когда регулярная армия не горит желанием рисковать жизнями своих бойцов, даже за дополнительный оклад и премиальные, либо не может найти нужных специалистов. Это подтверждает и тот факт, что уже сегодня практически ни одна мировая армия не может функционировать без привлечения частных структур.

Все говорит о том, что **приватизация военных функций – это долговременный тренд**. Однако этот тренд отнюдь не способствует снижению числа самих конфликтов или их скорейшему решению. В мире прослеживается тенденция к сокращению вооруженных сил и «измельчанию», а также «гибридизации» конфликтов и их замораживанию, в которых наемники из частных военных компаний – это одна из самых активных, если не решающих, сил, которые нельзя не учитывать.

ⁱ https://lb.ua/blog/eugeniy_demenok/417819_sobrazheniya_obivatelya_predstoyashchih.html